

Д' Э Р В И Л Ь И

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОИСТОРИЧЕСКОГО
МАЛЬЧИКА**

Л

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Д'ЭРВИЛЬИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОИСТОРИЧЕСКОГО
МАЛЬЧИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1970

И(Фр)мл+9(1)
Э74

Обработка Б. М. Энгельгардта

Рисунки Э. М. Кондайн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я был школьником, мне как-то попала в руки эта книга. Я помню, как увлекла она меня с первых же страниц и с каким волнением я следил за приключениями Крека — мальчика, жившего много тысяч лет тому назад. Особенное впечатление произвело на меня то событие в жизни Крека, которое оказало такое большое влияние на всю его последующую жизнь. Это тот случай, когда Крек, которому его сородичи доверили их самое большое сокровище — огонь, не сумел его сохранить, и огонь погас, а вместе с ним, казалось, умерла и вся жизнь. Ведь люди не умели добывать огонь—они могли его только поддерживать и сохранять. Я переживал вместе с Креком это страшное событие в его жизни и в жизни его родных и близких. И с какой радостью я потом прочитал, что не всё ещё потеряно, что Крек случайно узнал от Фо — чужеземца, человека из другого племени, — способ добывания огня — и огонь снова запылал! . .

Жаль было закрывать последнюю страницу книги и расставаться с её героями, хотелось узнать ещё больше об их жизни, такой трудной, полной опасностей, такой не похожей на нашу жизнь. Но потом оказалось, что это возможно и что для этого нужно читать книги по истории — и они расскажут, как жили люди в те далёкие времена. Оказалось, что такой же жизнью, какой жили Крек и его друзья, какой жили наши далёкие предки, ещё и в наши дни живут люди в тропических лесах Африки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии, в пустынях Австралии. О жизни этих людей рассказывают путешественники, учёные, кото-

рые у них побывали. Правда, они живут в других природных условиях, в другом климате, их окружают другие растения, их леса населены другими животными, и всё же их жизнь очень напоминает жизнь тех людей, о которой рассказывает эта книга, о которой рассказывают книги по истории.

Расскажу немного и я о жизни одного такого племени. Оно было открыто в пустынях Центральной Австралии несколько лет тому назад. Вы увидите, что хотя люди этого племени живут совсем в иной среде — не в лесах, а в пустыне, не в холодном, а в жарком климате, охотятся не на северных оленей, а на кенгуру, — всё-таки в их жизни очень многое напоминает то, о чём рассказывает эта книга — книга о жизни доисторического мальчика. А это значит, что, изучая жизнь таких племён, мы можем узнать очень многое и о жизни наших собственных далёких предков.

Племя, о котором я хочу рассказать, называется биндибу, и было оно открыто австралийскими учёными, которые отправились в пустыни Центральной Австралии в поисках ещё не известных науке первобытных племён. После нескольких дней полного трудностей путешествия по выжженной солнцем пустыне путешественники обнаружили ручей, протекавший в глубоком ущелье между высокими скалами. Здесь росло несколько деревьев, а между ними стояли небольшие шалаши из ветвей, листьев и травы — укрытия от солнца и непогоды. Под каждым таким укрытием было вырыто в земле небольшое углубление — место ночлега для одного человека, а рядом находились остатки костров, огнём которых люди обогревались в холодные ночи. Это было стойбище небольшого племени.

Вскоре появились и люди. Вернулись с охоты мужчины, неся в руках охотничью добычу. Они с рассвета бродили по пустыне в поисках ящериц, подбивали палками птиц, а изредка им попадались и более крупные животные — кенгуру или большие нелетающие птицы — эму. Кенгуру и эму они поражали простыми деревянными копьями.

Вернулись и женщины с маленькими детьми. Самых маленьких они несли на руках, а дети постарше шли сами. Женщины и дети тоже бродили по пустыне в поисках съедобных корней, семян, орехов, всевозможных насекомых и мелких животных, которых эти люди употребляют в пищу, предварительно зажарив в горячей золе или на углях костра.

Хотя биндибу никогда прежде не видели белых людей, они оказались добродушными, гостеприимными, приветливыми людьми. Они приняли белых путешественников как своих друзей, а не как врагов, которых надо опасаться, которым нельзя доверять. И путешественникам очень понравились эти простые, честные, прямодушные люди.

Племя биндибу состоит всего из нескольких десятков человек. По утрам, на рассвете, все они, за исключением только беспомощных стариков и больных, отправлялись на охоту и на поиски растительной пищи, а к вечеру возвращались в стойбище с добычей. Они превосходно знали окружающую их пустыню — каждая ложбина, кустарник, ручей были им хорошо знакомы с детства.

Там, где белые путешественники нередко погибали среди песков и скал от жажды, биндибу без труда находят источники воды и никогда не испытывают в ней недостатка.

Ни земледелия, ни скотоводства ни биндибу, ни остальные племена Австралии ещё не знают. Они живут только охотой, рыболовством и собиранием диких съедобных растений — так же, как жили и наши далёкие предки, как жил Крек и люди его племени.

Для охоты им служат копыя и простые метательные палки. Копья они бросают с помощью особой копьеметалки, сделанной из дерева, длиной около полуметра. На одном её конце укреплён упор для копыя. Копьеметалка при метании копыя как бы удлиняет руку, увеличивает её размах и посылает копьё вперёд на большое расстояние. На другом конце копьеметалки с помощью затвердевшей смолы укреплён каменный нож. С его помощью биндибу изготавливают

копья и другие изделия из дерева, разрезают туши убитых на охоте животных. У биндибу набор орудий невелик, но зато некоторые (как, например, копьёметалка) служат для самых различных целей.

Однажды охотнику-биндибу захотелось показать белым путешественникам, как много источников воды известно ему в пустыне. И тогда копьёметалка превратилась в географическую карту. Острым камнем он вырезал на ней многочисленные кружки, соединённые прямыми линиями. Каждый кружок означал какой-нибудь водоём — колодец, озеро, ручей, — а прямые линии означали дороги в пустыне от одного водоёма к другому. Ведь вода для биндибу, этих людей пустыни, — это сама жизнь. Воду они прославляют, слагают о ней песни, и чаще всего поют те песни, где говорится о животворной силе воды.

В то время как охотники-мужчины никогда не расстаются со своими копьями, женщины, покидая стойбище, не расстаются с длинными, заострёнными на конце палками. С их помощью они выкапывают корни растений, разрывают норы животных. Кроме того, у каждой женщины есть небольшое корытце, сделанное из дерева или коры — она собирает в него зёрна и семена растений, носит в нём воду. А ночью такое корытце служит колыбелью для ребёнка.

Все свои изделия из дерева биндибу делают грубыми каменными орудиями — такими же, какими работали соплеменники Крека. Иногда биндибу просто подбирают с земли камни с острыми краями и потом работают ими, не подвергая их никакой предварительной обработке. А иногда они обрабатывают эти камни, стремясь сделать их более острыми, и делают это так же, как делали герои нашей книги. Они оббивают одним, более твёрдым, камнем другой, менее твёрдый, стремясь придать ему нужную, подходящую для работы форму. Или они откалывают от одного камня другим камнем или острой костью узкие пластины, из которых они делают потом острые ножи. А однажды бе-

лые путешественники, к большому своему изумлению, увидели, как один охотник-биндибу обтачивал край каменного ножа собственными зубами!

Изготавливать металлические орудия ни биндибу, ни другие австралийские племена не умеют. Они живут ещё в каменном веке — так же, как жили люди, о которых написано в этой книге.

Огонь биндибу и другие австралийские племена умеют добывать сами и делают это двумя способами. Первый способ — такой же, какой применял Фо-чужеземец, от которого этому искусству научились и соплеменники Крека. Вот как написано в нашей книге о том, как впервые добыл огонь Старейший: «Он сел, взял короткую твёрдую палку с дырочкой, положил её под ноги, вставил в дырочку конец другой палочки и принялся быстро вертеть её между ладонями. . . Скоро из дырочки показался лёгкий дымок, и клочок сухого мха вспыхнул». Но австралийцам известен и другой способ добывания огня, вероятно, ещё более древний: они умеют высекать искру ударами камня о камень.

Уже в раннем возрасте мальчики и девочки из племени биндибу начинают помогать родителям и учатся всему, что умеют делать взрослые. Нередко можно увидеть девяностилетнего мальчика, вооружённого маленькой метательной палицей, терпеливо поджидающего, когда стая птиц опустится рядом с ним, чтобы метнуть в неё свою палицу и поразить какую-нибудь из птиц. Ведь он уже мужчина, будущий охотник, он должен учиться выдержке, терпению, наблюдательности, ловкости — всем тем качествам, какими должен обладать настоящий охотник.

Никакой одежды биндибу не знают. Только для ходьбы по острым камням они изобрели сандалии, плетённые из коры. Отсутствием одежды они отличаются от соплеменников Крека, которые носили одежду, сшитую из шкур животных. Но ведь те жили в суровом северном климате, а биндибу живут в жарком климате.

Биндибу — очень мирные люди. Они живут дружно, за-

ботятся друг о друге, уважают старших, заботой и вниманием окружают беспомощных стариков.

Вождей у них нет. Но люди справедливые, мудрые, бесстрашные, хорошие охотники и опытные мастера — таких австралийцы особенно уважают, с мнением таких людей единодушно считаются, их указания охотно выполняют. Таким человеком был и Старейший, о котором вы прочитаете в этой книге.

Так живут ещё и в наши дни эти люди каменного века. Они живут почти так же, как жили и наши предки много тысяч лет тому назад. Вот почему учёные интересуются жизнью таких племён, вот почему их изучают. Жизнь этих племён помогает понять и жизнь наших собственных далёких предков, тоже живших ещё в каменном веке.

Так же жили и те люди, о которых написана эта книга. Правда, они жили в Европе и в ту далёкую эпоху, которую называют ледниковой. Много тысяч лет тому назад значительная часть Европы, включая и нашу Родину, была покрыта льдом. На землях, прилегающих к ледникам, было холодно. Люди одевались в шкуры и жили в пещерах. Там горели костры, было теплее и суше, чем снаружи, но ещё важнее было то, что в пещерах можно было укрыться от нападения опасных хищных зверей и от врагов.

Люди жили небольшими общинами, окружённые враждебными племенами. Изгнание из своего племени было самым страшным наказанием для человека того времени, оно было почти равносильно смерти. Вот почему так переживал это Крек, изгнанный из своего племени.

Автор книги «Приключения доисторического мальчика», когда он писал о том, как и в каких условиях жили первобытные люди, основывался на данных двух наук. Одна из этих наук изучает образ жизни таких современных нам народов, как, например, австралийцы, — наука эта называется этнографией. Другая наука — она называется археологией — изучает, как жили люди сотни и тысячи лет тому назад. Изучает она это по тем остаткам орудий, жи-

лиц, предметов искусства, которые сохранились в земле или в пещерах, где жили первобытные люди.

На стенах пещер первобытные люди с большим искусством и правдоподобием изображали животных, на которых они охотились, и даже целые сцены охоты. Рисунки эти сохранились до наших дней.

Но не всё в этой книге на уровне науки наших дней. Ведь наука развивается, люди узнают о прошлом всё больше, и многое из того, что казалось когда-то правильным, теперь уже не отвечает уровню наших знаний.

Начнём с того, о чём мы уже говорили, — с огня. В книге очень ярко изображена смерть огня — тот страшный для людей час, когда огонь потух. Они приняли это как смерть самого дорогого существа. И это было действительно ужасным для них событием, если они не умели добывать огонь. Но мы уже знаем, что австралийцы, которые ведь тоже живут в каменном веке, умеют добывать огонь и делают это даже двумя способами — высверливанием, с помощью двух деревянных палочек, и высеканием искры ударами камня о камень. И у нас возникает обоснованное сомнение в том, что герои нашей книги ещё не знали ни одного из этих способов, что эти способы известны были в то время только немногим людям. Скорее всего, способы искусственного добывания огня в это время уже были широко распространены и хорошо известны многим.

Есть и ещё одна неточность, гораздо более важная, — и о ней тоже необходимо здесь сказать. Каменный век был очень длительной эпохой в истории человечества — он продолжался много тысяч лет. Культура человечества всё это время не стояла на месте, а развивалась. Создавались новые, всё более совершенные орудия. Если сначала люди только умели оббивать и раскалывать камень, то постепенно они научились его шлифовать, и тогда появились замечательные гладко отшлифованные каменные орудия, очень прочные и острые. Делались всё новые открытия и изобретения — так и в этой книге рассказывается о том, как

её герои случайно изобрели плот. Создавались всё более совершенные виды жилищ: если сначала люди жили преимущественно в пещерах, то постепенно они научились строить настоящие дома, в том числе даже на сваях. Если сначала люди жили только охотой, рыболовством и собиранием диких растений, то постепенно они научились сами выращивать полезные растения — появилось земледелие, приучили животных — появилось скотоводство. Если сначала люди только пекли и жарили свою пищу на горячей золе и углях, как это делают и сегодня австралийцы, то со временем они изобрели гончарство — научились делать посуду из обожжённой на огне глины. И всё это произошло на протяжении только каменного века.

Вот почему историю каменного века — этого огромного периода в истории человечества — принято делить на две части: древний каменный век (его называют палеолит) и новый каменный век (неолит), — и каждый из них тоже продолжался тысячелетия. В древнем каменном веке люди ещё не умели шлифовать камень — в новом они уже научились это делать. В древнем каменном веке они ещё не умели делать большие лодки, выдолбленные из древесных стволов, — в новом у них уже появились такие лодки. В древнем каменном веке у людей ещё не было хороших домов, а в новом уже были. В древнем каменном веке люди ещё не знали ни земледелия, ни скотоводства. Единственным животным, приручённым человеком уже в то время, была собака — так и австралийских охотников сопровождают повсюду и даже помогают охотиться стаи собак-динго. А в новом каменном веке появилось уже и земледелие, и скотоводство. В древнем каменном веке люди ещё не научились делать посуду из обожжённой глины — а в новом уже умели делать такую посуду и умели варить в ней пищу.

И вот мы читаем в этой книге, как изгнанный из своего племени Крек и его спутники, которые добровольно решили его сопровождать, встречают озёрных жителей. Эти люди

живут совсем иной жизнью — так не похожей на ту жизнь, какую вели у себя на родине Крек, его братья и Старейший. Озёрные жители уже умели шлифовать камень и просверливать в каменных орудиях отверстия для рукояток, — значит, они жили уже в неолите — новом каменном веке. А Крек и его друзья у себя на родине ещё не умели всего этого делать, — их соплеменники, следовательно, ещё вели образ жизни людей палеолита — древнего каменного века, Кстати, стрелы никогда не шлифовались, как об этом говорится в книге, даже в неолите: шлифовались, главным образом, орудия для обработки дерева — топоры, тёсла. У озёрных жителей были большие, выдолбленные из древесных стволов лодки; у них были обмазанные глиной хижины, стоящие прямо в озере на сваях, — это всё тоже признаки неолита, и всего этого тоже не знала родная община Крека. Правда, озёрные жители не умели обрабатывать землю и выращивать растения, а из домашних животных они приручили только собаку, но ведь и в неолите земледелие и скотоводство появились не сразу, а постепенно. Не научились ещё озёрные жители делать и глиняную посуду, но и это умение в том же неолите пришло не сразу.

Образ жизни озёрных жителей, как её изображает автор, — это образ жизни людей раннего неолита, когда ещё не появились многие достижения, свойственные обществу более позднего, развитого неолита. Но это уже не палеолит. А образ жизни пещерных жителей, из среды которого вышли Крек, Старейший и их сородичи, — это образ жизни людей древнего каменного века — палеолита. Могло ли так случиться, чтобы на одной и той же европейской территории жили в одно и то же время такие различные по своей культуре, по своему образу жизни племена? Ведь между ними лежат даже не сотни, а, может быть, тысячи лет культурного развития. Ведь, уйдя от пещерных жителей — палеолитических охотников на северного оленя — и примкнув к озёрным жителям, Крек и его друзья шагнули совсем в другую историческую эпоху!

Культура человечества и в то время не стояла на месте. Но развивалась она тогда очень медленно. Если сейчас в мире сосуществуют культуры каменного и атомного века, то в Европе той эпохи, о которой идёт речь в книге, ещё не могла произойти встреча таких различных по уровню своего развития культур.

Почему же всё-таки в наши дни сохранились на Земле отдельные племена, живущие в каменном веке? Объясняется это разными причинами, и самая главная из них — удалённость этих племён от центров мировой цивилизации. Ведь живут они в тропических лесах, в горах, в окружении морей или пустынь, отрезанные от всего остального мира.

Борьба за существование в этих условиях была очень трудна для людей, и это ещё более задержало их культурное развитие.

Но благодаря этому автор книги сумел познакомить нас, её читателей, с двумя большими эпохами в истории человечества — с древним и новым каменным веком. И вместе с героями книги мы тоже встретимся с людьми тех времён, узнаем их горести и радости, увидим, как они жили. Эта увлекательная книга познакомит нас с жизнью наших далёких предков. И когда мы закроем последнюю страницу, эта жизнь и эти люди, прежде такие далёкие и чужие, станут нам теперь ближе и понятнее.

В. Кабо

Глава I

НА БЕРЕГУ РЕКИ

В холодное, пасмурное и дождливое утро на берегу огромной реки сидел маленький девятилетний мальчик.

Могучий поток неудержимо мчался вперёд; в своих жёлтых волнах он уносил сбившиеся в кучи ветви и травы, вырванные с корнем деревья и громадные льдины с вмёрзшими в них тяжёлыми камнями.

Мальчик был один. Он сидел на корточках перед связкой только что нарезанного тростника. Его худенькое тело привыкло к холоду; он не обращал никакого внимания на ужасающий шум и грохот льдин.

Отлогие берега реки густо поросли высоким тростником, а немного дальше вздымались, словно высокие белые стены, размытые рекою обрывистые откосы меловых холмов.

Цепь этих холмов терялась вдали, в туманном и голубоватом сумраке; дремучие леса покрывали её.

Недалеко от мальчика, на скате холма, чуть повыше того места, где река омывала холм, зияла, точно громадная разинутая пасть, широкая чёрная дыра, которая вела в глубокую пещеру.

Здесь девять лет тому назад родился мальчик. Здесь же издавна ютились и предки его предков.

Только через эту тёмную дыру входили и выходили суровые обитатели пещеры, через неё они получали воздух и свет; из неё вырывался наружу дым очага, на котором днём и ночью старательно поддерживался огонь.

У подножия зияющего отверстия лежали огромные камни, они служили чем-то вроде лестницы.

На пороге пещеры показался высокий, сухощавый старик с загорелой морщинистой кожей. Его длинные седые волосы были приподняты и связаны пучком на темени. Его мигающие красные веки были воспалены от едкого дыма, вечно наполняющего пещеру. Старик поднял руку и, прикрыв ладонью глаза под густыми, нависшими бровями, взглянул по направлению к реке. Потом он крикнул:

— Крек! — Этот хриплый отрывистый крик походил на крик вспугнутой хищной птицы.

«Крек» означало «птицелов». Мальчик получил такое прозвище недаром: с самого детства он отличался необычайной ловкостью в ночной ловле птиц; он захватывал их сонными в гнёздах и с торжеством приносил в пещеру. Случалось, за такие успехи его награждали за обедом изрядным куском сырого костного мозга — почётного блюда, приберегаемого обычно для старейшин и отцов семейства.

Крек гордился своим прозвищем: оно напоминало ему о ночных подвигах.

Мальчик обернулся на крик, мгновенно вскочил с земли и, захватив связку камыша, подбежал к старику.

У каменной лестницы он положил свою ношу, поднял в знак почтения руки ко лбу и произнёс:

— Я здесь, Старейший! Чего ты от меня желаешь?

— Дитя, — ответил старик, — все наши ушли ещё до зари в леса на охоту за оленями и ширококорогими быками. Они вернутся только к вечеру, потому что — запомни это — дождь смывает следы животных, уничтожает их запах и уносит клочья шерсти, которые они оставляют на ветвях и корявых стволах деревьев. Охотникам придётся много потрудиться, прежде чем они встретят добычу. Значит, до самого вечера мы можем заниматься своими делами. Оставь твой тростник. У нас довольно древков для стрел, но мало каменных наконечников, хороших резцов и ножей: все они обточились, зазубрились и обломались.

— Что же ты повелишь мне делать, Старейший?

— Вместе с братьями и со мной ты пойдёшь вдоль Белых холмов. Мы запасёмся большими кремнями; они часто попадаются у подножия береговых утёсов. Сегодня я открою тебе секрет, как их обтёсывать. Уже пора, Крек. Ты вырос, ты силен, красив и достоин носить оружие, сделанное собственными руками. Обожди меня, я пойду за другими детьми.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Крек, склоняясь перед стариком и с трудом сдерживая свою радость.

Старик ушёл в пещеру, откуда внезапно раздались странные гортанные возгласы, похожие скорее на крики встревоженных молодых животных, чем на человеческие голоса.

Старик назвал Крека красивым, большим и сильным. Он, должно быть, хотел подбодрить мальчика: ведь на самом деле Крек был мал, даже очень мал, и очень худощав.

Широкое лицо Крека было покрыто красным загаром, надо лбом торчали жидкие рыжие волосы, жирные, спутанные, засыпанные пеплом и всяким сором. Он был не слишком красив, этот жалкий первобытный ребёнок. Но в его глазах светился живой ум; его движения были ловки и быстры.

Он стремился поскорее двинуться в путь и нетерпеливо ударял широкой ступнёй с крупными пальцами о землю, а всей пятернёй сильно тянул себя за губы.

Наконец старик вышел из пещеры и стал спускаться по высоким каменным ступеням с проворством, удивительным для его преклонных лет. За ним шла целая орда мальчуганов-дикарей. Все они, как и Крек, были чуть прикрыты от холода жалкими плащами из звериных шкур.

Самый старший из них — Гель. Ему уже минуло пятнадцать лет. В ожидании того великого дня, когда охотники, наконец, возьмут его с собой на охоту, он успел прославиться как несравненный рыболов.

Старейший научил его вырезать из раковин остриём кремнёвого осколка смертоносные крючки. При помощи са-

модельного гарпуна с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шёл Рюг большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уже приручил собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг гордо выступали впереди, а за ними серьёзно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетённые из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжёлой головкой, другие — копьё с каменным наконечником, а третьи — что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи, не попасть в когти диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие, — Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

Только один, самый маленький, представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонёк.

Это был младший мальчик — Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слёзы и мужественно исполнял свой долг.

Сегодня его черёд поддерживать огонь от зари до ночи. Ожо гордился этим. Он знал, что огонь — самая боль-

шая драгоценность в пещере; если огонь погаснет, его ждёт страшное наказание. Поэтому, едва мальчуган замечал, что пламя уменьшается и грозит потухнуть, он начинал быстро подбрасывать в костёр ветки смолистого дерева, чтобы вновь оживить огонь.

И если порой глаза Ожо заволакивались слезами, то единственным виновником этих слёз был едкий дым костра.

Скоро он и думать перестал о том, что делают теперь его братья. Другие заботы удручали маленького Ожо: он был голоден, а ведь ему едва минуло шесть лет. . .

Он думал о том, что если старейшины и отцы вернутся сегодня вечером из лесу с пустыми руками, то он получит на ужин всего-навсего два-три жалких побега папоротника, поджаренных на углях.

Глава II

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЁН

Ожо был голоден, а его братья были ещё голодней: ведь они долго шли на холодном ветру. Старейший всю дорогу шепотом и знаками объяснял им, как узнавать росшие по берегу водяные растения. В зимнее время, когда нет мяса, их мясистыми корнями можно с грехом пополам наполнить голодный желудок.

Он говорил, а его маленьких путников томило желание сорвать и проглотить дикие ягоды и плоды, которые каким-то чудом уцелели от морозов. Но есть в одиночку строго воспрещалось. Всё, что находили, приносили в пещеру. Дети привыкли, что только в пещере, после осмотра старшими, добыча делилась между всеми. Поэтому они пересиливали искушения голода и опускали в мешки всё, что собирали по пути.

Увы! Пока что им удалось найти только с десяток ма-

леньких сухих яблок, несколько тощих, полузамёрзших ули-ток и серую змейку, не толще человеческого пальца. Змейку нашёл Крек. Она спала под камнем, который он перевернул. У Крека была привычка: куда бы он ни шёл, переворачивать по дороге все камни, какие были ему под силу.

Но если нашим путникам попадалось по дороге мало съедобного, то большие куски кремня во множестве валялись по склонам холмов. Мешки мальчуганов сильно потяжелели. Самые маленькие шли, согнувшись под своей ношей. И всё-таки они изо всех сил старались скрыть свою усталость. Дети знали, что старшие привыкли молча переносить страдания и будут смеяться над их жалобами.

Дождь, мелкий град не прекращались ни на минуту.

Крек бодро шагал вслед за стариком, мечтая о том времени, когда он станет великим и славным охотником и будет носить настоящее оружие, а не маленькую детскую палицу. Пот градом катился с него, и не мудрено: он тащил два огромных кремнёвых желвака.

За ним, нахмурившись, шли Гель и Рюг; их разбирала досада. Оба они, точно на смех, ничего не нашли за всю дорогу. Хоть бы рыбёшку какую-нибудь поймали. Отыскивали всего-навсего какого-то заморённого паука, такого же голодного, как и они.

Остальные брели как попало, съёжившись и понури-в головы. Дождь давно уже струился по их растрёпанным во-лосам и впалым щекам.

Так шли они долго. Наконец Старейший дал знак остано-виться. Все тотчас же повиновались ему.

— Вот там, на берегу, под навесом утёса, есть хорошее сухое местечко для отдыха, — сказал он. — Садитесь. . . От-кройте ваши мешки.

Кто лёг, кто присел на корточки на песок. Лучшее место под навесом мальчишки предоставили Старейшему.

Крек показал старику всё, что нашлось в мешках, и по-чтительно поднёс ему маленькую змейку. Такой лакомый кусок, по его мнению, должен был достаться Старейшему.

Но старик тихонько оттолкнул протянутую руку мальчика и сказал:

— Это вам! Если нет жареного мяса, я буду жевать корни. Я привык к этому; так делали мои отцы. Посмотрите на мои зубы, — вы увидите, что мне часто приходилось есть сырое мясо и разные плоды и корни. Во времена моей молодости прекрасный друг-огонь, который все мы должны почитать, нередко надолго покидал наши стоянки. Иногда целыми месяцами, а то и годами, мы, не имея огня, натруждали свои крепкие челюсти, пережёвывая сырую пищу. Принимайтесь за еду, дети. Пора!

И дети с жадностью набросились на жалкое угощение, которое им роздал старик.

После этого скудного завтрака, который только чуть-чуть утолил голод путешественников, старик приказал детям отдохнуть.

Они тесно прижались друг к другу, чтобы получше согреться, и сразу заснули тяжёлым сном.

Только один Крек ни на минуту не мог сомкнуть глаз. Скоро с ним будут обращаться, как с настоящим взрослым юношей, — эта мысль не давала ему заснуть. Он лежал не шевелясь и украдкой с глубокой любовью и даже с некоторым страхом наблюдал за стариком. Ведь Старейший столько перевидал на своём веку, знал столько таинственных и чудесных вещей.

Старик, медленно пережёвывая корень, внимательно зорким и опытным глазом осматривал один за другим куски кремня, лежавшие около него. Наконец он выбрал кремень, округлый и длинный, похожий на огурец, и, придерживая его ногами, поставил стоймя.

Крек старался запомнить каждое движение старика.

Когда кремень был крепко зажат в этих природных тисках, старик взял обеими руками другой камень, более тяжёлый, и несколько раз осторожно ударил им по закруглённой верхушке кремня. Лёгкие, едва заметные трещины пошли вдоль всего кремня.

Потом Старейший аккуратно приложил этот грубый молот к оббитой верхушке и навалился на него всем своим телом с такой силой, что жилы вздулись на его лбу; при этом он слегка поворачивал верхний камень; от боков кремня отлетали длинные осколки разной ширины, похожие на продолговатые полумесяцы, с одного края толстые и шероховатые, с другого — тонкие и острые. Они падали и рассыпались по песку, словно лепестки большого увядшего цветка.

Эти прозрачные осколки, цвета дикого мёда, резали не хуже наших стальных ножей. Но они были непрочны и скоро ломались.

Старик передохнул немного, потом выбрал один из самых крупных осколков и принялся оббивать его лёгкими частыми ударами, стараясь придать ему форму наконечника для копья.

Крек невольно вскрикнул от удивления и восторга: он собственными глазами видел, как изготавливают ножи и наконечники для копий и стрел.

Старейший не обратил никакого внимания на возглас Крека. Он принялся собирать острые лезвия.

Но вдруг он насторожился и быстро повернул голову к реке. На его обычно спокойном и гордом лице отразились сперва удивление, а потом невыразимый ужас.

С севера доносился какой-то странный, неясный шум, пока ещё далёкий, порой слышалось ужасающее рычание. Крек был храбр, и всё же ему стало страшно. Он попытался остаться спокойным и, подражая старику, насторожился, схватившись рукой за палицу.

Шум разбудил детей. Дрожа от страха, они повскакали со своих мест и кинулись к старику. Старейший велел им немедленно забраться на вершину почти отвесной скалы. Дети тотчас принялись карабкаться кверху, ловко цепляясь руками за каждый выступающий камень, пользуясь каждой выбоиной в скале, чтобы поставить ногу. На небольшом уступе, неподалёку от вершины, они улеглись на животе, облизывая ободранные в кровь пальцы.

Старик не мог последовать за ними. Он остался под выступом скалы, и Крек упрямо отказался покинуть его.

— Старейший! — воскликнул он. — Неведомая опасность грозит нам, как ты говоришь. Ты любишь меня, и я не покину тебя. Мы вместе умрём или вместе победим. Ты непоколебим и силён, ты будешь сражаться, а я... если отсюда идут к нам злые люди или дикие звери, — я прокушу им печень.

Пока Крек, размахивая руками, произносил эту воинственную речь, грозный шум усилился. С каждой минутой он приближался к месту, где укрылись старик и ребёнок.

— У тебя, Крек, глаза зоркие и молодые. Посмотри на реку. Что ты видишь?

— Небо потемнело от больших птиц. Они кружатся над водой. Наверно, их злобные крики и пугают нас.

— А на воде ты ничего не видишь? Посмотри ещё раз. Птицы кружатся над рекой? Значит, они следуют за какой-то плывущей по реке добычей, выжидая, когда можно будет накинуться на неё. Но кто же это так страшно рычит и ревет? Я подниму тебя, взгляни ещё раз.

Но и на руках у Старейшего Крек напрасно всматривался вдаль.

— Что видно сверху? — крикнул старик детям, лежавшим в безопасности на скале, над его головой. — Говори ты, Рюг.

— Что-то огромное, чёрное виднеется на белой глыбе далеко, посередине реки, — ответил мальчик. — Но что это — разобрать нельзя. Чёрное шевелится.

— Хорошо, Рюг. Не чёрный ли это ширококоргий бык?

— Нет, это чудовище больше ширококорогого быка! — воскликнул Рюг.

— Слушай, Старейший! — вскричал Гель. — Теперь не одно, а два чёрных пятна видны на белой глыбе, и оба они шевелятся; а возле них глыба совсем красная.

— Я их вижу! Я их вижу! — подхватил Крек, побледнев и задрожав всем телом. — Там два зверя, и оба огром-

ные! Они на льдине, а льдина больше нашей пещеры. Они не двигаются. Сейчас они проплывут мимо нас. Вот смотри! Мы погибли!

Старейший поставил Крека на землю и обернулся к реке.

То, что увидел старый охотник, заставило его побледнеть от ужаса. Крек и остальные дети плакали и дрожали от страха.

По пенистым, мутным волнам, шум которых сливался с оглушительным криком бесчисленного множества хищных птиц, плыла, кружась и покачиваясь, гигантская льдина.

На льдине виднелся чудовищной величины слон-мамонт с косматой гривой. Задние ноги животного глубоко провалились, словно в западню, в трещину льда. Зверь стоял, с трудом опираясь передними ногами на края трещины; изогнутые клыки были подняты кверху, а из хобота, торчавшего, словно мачта, бил к небу непрерывный кровавый фонтан. Всё тело зверя было залито кровью, струившейся из пронзённого брюха. Он рычал и ревел в предсмертных судорогах.

Рядом с ним лежал огромный косматый носорог, пораженный своим рогом мамонта, — лежал неподвижно и безмолвно, задушенный своим могучим врагом.

В ту минуту, когда чудовища проплывали на окровавленной льдине мимо Старейшего, гигантский слон страшно заревел и свалился на труп побеждённого врага.

Земля задрожала от этого предсмертного крика. Эхо долго-долго повторяло его, а хищные птицы на мгновение словно замерли в воздухе.

Но затем они с новой яростью бросились на приступ ледяного плота, где покоились теперь два гигантских трупа. Коршуны и орлы накинулись наконец на добычу.

Глыба льда исчезла из виду, унося трупы страшных зверей. Старик обтёр рукой пот с обветренного лица и позвал своих маленьких спутников.

Стуча зубами, еле ступая дрожащими ногами, бедняжки спустились к старику, руку которого всё ещё судорожно сжимал Крек.

Разве можно было теперь приниматься за работу? Урок изготовления кремнёвых орудий был отложен, и все в угрюмом молчании, опасливо поглядывая по сторонам, двинулись обратно к пещере.

Дети поминутно оборачивались и смотрели назад. Они всё ещё слышали шум летевших птиц, им чудилось, что их настигает один из тех прожорливых зверей, которые, наверное, следовали за жуткой льдиной.

Но мало-помалу они успокоились, и Крек, улыбаясь, сказал на ухо Рюгу:

— Ожо завидовал нам, когда мы уходили. А теперь, пожалуй, будет рад, что ему пришлось остаться хранителем огня: ему не было так страшно, как нам.

Но Рюг покачал головой и возразил:

— Ожо смелый; он, наверное, пожалеет, что не видел этих чудовищ.

Глава III

ВЕЧНЫЙ ВРАГ

Дети без помехи вернулись домой до наступления ночи.

После страшного приключения, рассказ о котором заставил дрожать матерей и плакать маленьких сестёр, родная пещера, жалкая и дымная, показалась детям уютным жильём.

Здесь им нечего было бояться. Кругом поднимались крепкие каменные стены, а яркий огонь нежно ласкал и согревал их.

Огонь — лучший друг человека: он побеждает холод, он отпугивает диких зверей. Но есть один враг, против которого бессилён даже огонь.

Этот вечный враг всегда подстерегает человека и не-

сёт ему гибель, стоит только перестать с ним бороться, — этот вечный враг всегда и во все времена был врагом жизни вообще.

Имя этому неумолимому врагу, этому жадному тирану, который даже и в наши дни продолжает свои опустошительные набеги на земли и истребляет тысячи людей, имя ему — голод.

Прошло четыре долгих дня с тех пор, как дети вернулись в пещеру, а охотники — деды и отцы — всё ещё отсутствовали.

Не заблудились ли они в лесу, несмотря на свою опытность? Или их охота оказалась безуспешной? Или они напрасно рыскают до сих пор по лесу? Никто не знал этого.

Впрочем, и Старейший, и матери, и дети привыкли к такому долгому отлучкам отцов. Они знали: охотники ловки, сильны, находчивы — и совсем не беспокоились о них. Оставшихся дома одолевали иные заботы: все запасы пищи в пещере иссякли.

Небольшой кусок протухшей оленины — остаток от прошлой охоты — съели ещё в первые дни.

В пещере не оставалось ни кусочка мяса; приходилось приниматься за свежие шкуры, отложенные для одежды.

Маленькими плоскими кремнями с искусно зазубренными острыми краями женщины соскоблили шерсть и отделили жилки с тяжёлых шкур. Затем они разрезали кожи на небольшие куски. Эти ещё покрытые пятнами крови куски вымочили в воде и варили их до тех пор, пока они не превратились в густую, клейкую массу.

Нужно заметить, что этот отвратительный суп варился без горшка. Изготавливать глиняную посуду люди научились гораздо позже, чем оружия из грубо обтёсанного и оббитого камня.

В пещере Крека воду кипятили в искусно сплетённых мешках-корзинах из древесной коры; такой мешок, разумеется, нельзя было ставить на горящие уголья; чтобы нагреть воду, в мешок бросали один за другим докрасна рас-

калённые на огне камни. В конце концов вода закипала, но какой мутной и грязной становилась она от золы!

Несколько корней, с трудом вырванных из замёрзшей земли, были съедены.

Гель принёс какую-то отвратительную рыбу. Это было всё, что ему удалось поймать после долгих и тяжёлых усилий. Но и эту жалкую добычу встретили с радостью. Её тотчас же разделили и тут же съели: рыбу даже не потрудились поджарить на углях. Но рыба была небольшая, а голодных ртов много. Каждому досталось по крошечному кусочку.

Старейшие, желая хоть чем-нибудь занять измученных голодом обитателей пещеры, решили раздать всем какую-нибудь работу. Об этих работах мы поговорим позже, а пока рассмотрим пещеру.

Наше счастье, что мы можем проникнуть туда только мысленно. Иначе мы, наверное, задохнулись бы от ужасающего зловония и спёртого воздуха, царивших в этом мрачном убежище первобытных людей.

Некогда почвенные воды вырыли в толще мягкой горной породы обширный глубокий погреб. Главная пещера сообщалась узкими проходами с другими, более мелкими пещерами. Со сводов, потемневших от дыма, свешивались сталактиты ¹ и падали тяжёлые капли воды.

Вода просачивалась повсюду, стекала по стенам, капливалась в выбоинах пола. Правда, пещера спасла первобытного человека от свирепого холода, но это было нездоровое, сырое жилище. Обитатели её часто простужались, болели. В наше время учёные нередко находят в таких пещерах вздутые, изуродованные кости.

Но вернёмся в жилище Крека. Вдоль стен главной пещеры, на грязной, покрытой нечистотами земле, лежали

¹ Сталактиты, или капельники, — натёчные конусообразные образования, спускающиеся наподобие ледяных сосулек с потолка некоторых пещер.

кучи листьев и мха, прикрытые кое-где обрывками звериных шкур, — постели семьи.

Посреди пещеры возвышалась глубокая и большая куча пепла и сальных потухших углей, с краю она была чуть тёплая, но посредине горел небольшой костёр; Крек, дежурный хранитель огня, беспрестанно подбрасывал хворост, вытягивая его из лежавшей рядом связки.

Среди пепла и углей виднелись разные объедки и отбросы: обглоданные кости, расколотые в длину, с вынутым мозгом, обгорелые сосновые шишки, обуглившиеся раковины, пережёванная кора, рыбы кости, круглые камни и множество кремней разной формы.

Эти обломки кремней — остатки обеденных «ножей», резцов и других оружий. Кремнёвые орудия очень хрупки, и они часто тупились и ломались. Тогда их просто бросали в мусорную кучу.

Первобытные люди, конечно, и представить себе не могли, что когда-нибудь их отдалённые потомки будут рыться в кухонных отбросах, искать затупившиеся, сломанные ножи, подбирать угольки их очага, чтобы потом выставить их в просторных залах великолепных музеев.

В этой первобытной квартире не было никакой мебели. Несколько широких раковин, несколько плетёных мешков из коры или тростника, нечто вроде больших чаш, сделанных из черепов крупных животных, составляли всю домашнюю утварь.

Зато оружия было много — и оружия страшного, хотя и очень грубо сделанного. В пещере хранился большой запас копий, дротиков и стрел. Здесь были острые каменные наконечники, прикреплённые к древку с помощью растительного клея, древесной и горной смолы или жил животных. Здесь были костяные кинжалы — заострённые отростки рогов оленей и быков; здесь были палицы — зубчатые палки с насаженными на них клыками животных, каменные топоры с деревянными рукоятками, кремнёвые резцы всех размеров и, наконец, круглые камни для пращи.

Но мы напрасно, бы стали искать в пещере какого-нибудь домашнего животного. Ни собаки, ни кошки, ни курицы не было видно у очага, возле мусорных куч. В те далёкие времена человек ещё не умел приручать животных.

Крек никогда не видел и не пробовал ни коровьего, ни козьего молока.

И никто в те суровые времена, о которых идёт речь в нашем рассказе, не видал и не знал, что такое колос ржи или ячменя. Никто, даже сам Старейший.

Быть может, он и находил иногда во время своих странствий по равнинам высокие, незнакомые ему растения, свежие колосья которых он растирал в руках, пробовал есть и находил вкусными. Наверное, он указывал на эти колосья своим спутникам, и те тоже с удовольствием грызли вкусные зёрна.

Однако понадобились века и века, прежде чем потомки этих людей научились, наконец, собирать семена растений, сеять их возле своих жилищ и получать много вкусного и питательного зерна. Но Крек никогда в жизни не видел ни хлеба, ни зерновой каши.

Обитатели пещеры не могли похвастать большими запасами пищи. Охота и рыбная ловля, особенно в холодное время года, доставляли так мало добычи, что её хватало лишь на дневное пропитание, и прятать в запас было нечего. Кроме того, пещерный человек был слишком беспечен, чтобы думать о завтрашнем дне. Когда ему удавалось раздобыть сразу много мяса или рыбы, он по нескольку дней не выходил из пещеры и пировал до тех пор, пока у него оставался хоть один кусок дичины.

Так случилось и теперь. Старшие ушли в лес на охоту только тогда, когда в пещере уже не оставалось почти ничего съестного. Не мудрено, что на четвёртый день их отсутствия обитатели пещеры начали глотать уже обглоданные раньше и брошенные в золу кости.

Старейший приказал Рюгу собрать все эти кости и перетолочь их на камне. Потом Рюг вооружился каменным

скребком и принялся соскрёбывать горькую обуглившуюся кору с побегов папоротника, собранных когда-то маленьким Ожо.

Девочки, Маб и Он, стойко, без жалоб и стенаний переносившие голод, получили приказание зашить рваные меха — запасную одежду семьи.

Одна прокалывала костяным шилом дырочки в разорванных краях жирных шкур, другая продевала в эти дырочки при помощи довольно тонкой костяной иглы, очень похожей на нашу штопальную, жилы и сухожилия животных. Они так увлеклись этой трудной работой, что забыли на время терзавший их мучительный голод.

Остальные дети, по приказу Старейшего и под его наблюдением, чинили оружие; даже из самых мелких кремней старик учил изготавливать наконечники для стрел.

Ожо, несмотря на суровую погоду, послали за желудями. Это было не слишком приятное занятие. Когда снег покрывал землю, на поиски желудей выходили опасные соперники человека — голодные кабаны.

Но Ожо не боялся встретиться с ними. Он не хуже Крека лазил по деревьям и в случае опасности сумел бы вмиг вскарабкаться на ветки.

Впрочем, время от времени Рюг большеухий выходил взглянуть, где Ожо и что с ним.

Рюг взбирался по тропинке, которая поднималась зигзагами от пещеры к вершине холма, и издали ободрял маленького братишку. В то же время он чутко прислушивался.

Но всякий раз ветер доносил до него только шум леса. Как ни настаивал Рюг свои большие уши, он не слышал шагов охотников.

День близился к концу, и никто уже не надеялся увидеть сегодня охотников. Постепенно всеми овладело тупое, мрачное отчаяние. Чтобы как-нибудь подбодрить изголодавшихся обитателей пещеры, Старейший приказал всем идти в лес, на вершину холма, и, пока ещё не наступила ночь, поискать какой-нибудь пищи.

Быть может, вместе со старшими дети скорее найдут в этом уже не раз обысканном лесу что-нибудь съедобное — натеки древесного клея, зимних личинок, плоды или семена растений.

Все безропотно повиновались приказу Старейшего; казалось, у многих пробудилась надежда.

Женщины взяли оружие, дети захватили палки, и все ушли.

Один Крек остался у костра, гордый оказанным ему доверием. Он должен был до самого вечера поддерживать огонь на очаге и поджидать возвращения маленького Ожо.

Глава IV

ДОЛГ И ГОЛОД

Крек довольно долго сидел на корточках перед очагом, усердно поддерживая огонь и занимаясь ловлей отвратительных насекомых, бегавших по его телу. Внезапно у входа в пещеру, усыпанного мелкими камнями и ракушками, слышались лёгкие и быстрые шаги.

Крек повернул голову и увидел запыхавшегося Ожо. Глаза Ожо сияли от радости: он тащил за хвост какое-то животное вроде большой черноватой крысы.

Это была пеструшка, предок тех самых пеструшек, которые и теперь ещё населяют равнины Сибири.

— Посмотри, это я её убил, — кричал Ожо, — я один! Крек, я буду охотником!

Он бросил зверька к ногам брата и, не замечая, что, кроме Крека, в пещере никого не было, громко закричал:

— Скорей, скорей! Идите за мной! Сейчас же! Их ещё много там наверху. Мне одному их не догнать, но если мы пойдём все вместе, мы их переловим и поедим вволю сегодня вечером. Ну, живо!

— Не кричи так громко. Разве ты не видишь — все

ушли в лес, — остановил его Крек. — Остался только один я. Что, ты ослеп, что ли?

Ожо оглянулся — брат говорил правду. Ожо растерялся. На пути домой он так ясно представлял себе, как все обрадуются его добыче. «Даже Старейший, — думал он, — похвалит меня». И вдруг — в пещере один Крек, да и тот чуть ли не смеётся над ним.

Но надо было спешить, иначе великолепная добыча могла ускользнуть от них. И Ожо принялся торопить брата.

Стоило только подняться к опушке дубового леса, чтобы убить много, очень много пеструшек. Крек встрепенулся и вскочил на ноги.

— Живей! — крикнул он. — В дорогу!

Принести в пещеру много пищи для всех, да ещё в такой голодный день! Крек схватил тяжёлую палку и бросился вслед за братом.

Но вдруг он вспомнил об огне и остановился в нерешительности.

— Иди же, — торопил Ожо с порога пещеры. — Иди, а то поздно будет. Я видел маленькую стаю у Трёх Мёртвых Сосен. Мы ещё захватим их там, если поторопимся. Ведь я прибежал сюда бегом.

— А огонь, Ожо? — воскликнул Крек. — Смотри, он только что весело потрескивал, а теперь уже потухает. Ведь его всё время нужно кормить.

— Ну, так дай ему поесть, — ответил мальчик. — Дай ему побольше еды. Мы не долго будем охотиться. Он не успеет всего пожрать, как мы уже вернёмся.

— Ты думаешь, Ожо?

— Ну конечно. Мы дойдём до прогалины у Трёх Мёртвых Сосен и быстро вернёмся назад. Вдвоём мы набьём много зверьков. И там, наверху, мы напьёмся их тёплой крови.

Бедный Крек колебался. Напиться тёплой крови было очень заманчиво — голод так жестоко терзал его. Крек стоял и раздумывал. Пожалуй, Ожо прав: если подбросить по-

больше ветвей, огонь, наверное, не погаснет. Они скоро вернутся и принесут много еды. А в пещере все чуть ли не умирают от голода. Матери и сёстры так измучены. . . Крек больше не колебался. Он подбросил немного дров в огонь и в два-три прыжка нагнал Ожо.

Мальчики скоро добрались до вершины холма. Оттуда они пустились бежать к прогалине у Трёх Мёртвых Сосен.

Это место легко было узнать по трём громадным соснам. Они давным-давно засохли, но всё ещё стояли, протягивая, словно гигантские костлявые руки, свои голые ветви. Здесь, у сосен, мальчики увидели, что папоротники и высокая жёлтая трава у корней деревьев сильно колышутся. Это казалось странным, потому что ветер совсем стих.

— Вот они! — прошептал Ожо, дрожа и волнуясь, на ухо Креку. — Вот они. . . Это они колышат траву. Нападём на них!

Братья кинулись вперёд с поднятыми палками и в несколько прыжков очутились среди животных, которые бесшумно двигались в траве. Мальчики стали наносить удары направо и налево, стараясь перебить как можно больше зверьков.

В пылу охоты маленькие охотники позабыли о времени и совсем не замечали, что творилось вокруг. Между тем в соседних лесах раздавался вой и рёв. Тысячи хищных птиц, оглушительно каркая и крича, кружились над головами Крека и Ожо.

Изнемогая от усталости, еле шевеля руками, братья на минуту приостановили свою охоту. Оглянулись и прислушались. Со всех сторон до них доносился визг, вой. Повсюду, насколько хватал глаз, трава колыхалась и дрожала, словно волны зыбкого моря. Стаи пеструшек всё прибывали. Вместо прежних сотен, кругом были уже десятки тысяч зверьков.

Крек и Ожо поняли (им случалось и раньше, — правда, издали — видеть нечто подобное), что они попали в самую середину огромного полчища переселяющихся крыс.

В приполярных тундрах даже и в наше время удаётся иногда наблюдать переселение житников и пеструшек. Ничто не может остановить движение этих мелких зверьков. Они преодолевают все препятствия на своём пути, переплывают реки и покрывают несметными стаями громадные пространства.

Положение Крека и Ожо стало не только затруднительным, но и опасным. Оживление первых минут охоты исчезло, его сменили страх и усталость. К несчастью, мальчики слишком поздно поняли, как неосторожно они поступили, бросившись очертя голову в стаю переселяющихся крыс.

Со всех сторон их окружали несметные полчища грызунов. Напрасно братья снова взяли за оружие: на смену убитым крысам тотчас появлялись новые. Задние ряды напирали на передние, и вся масса продолжала нестись вперёд, словно живая и грозная лавина. Ещё немного — и грызуны нападут на детей. Зверьки с отчаянной смелостью бросались на маленьких охотников, их острые зубы так и впивались в босые ноги мальчиков. Братья в испуге кинулись бежать. Но зверьки двигались сплошным потоком, ноги мальчиков скользили по маленьким телам. Каждую минуту дети могли оступиться и упасть.

Они остановились. Упасть — это умереть, и умереть страшною смертью. Тысячи крыс накинулись бы на них, задушили и растерзали бы их.

Но в эту минуту Крек взглянул на мёртвые сосны, вблизи которых они стояли. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову: стоит добраться до этих могучих деревьев, и они будут спасены.

И маленькие охотники, несмотря на усталость и жестокие укусы крыс, снова пустили в дело свои палки. С огромным трудом им удалось наконец пробиться к подножию сосен. Тут Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было вслед за ним, но их сейчас же опрокинули и смяли задние ряды.

Крек посадил Ожо на один из самых крепких и высоких суков и, всё ещё дрожа от страха, огляделся вокруг.

Далеко-далеко, куда только не достигал взгляд, земля исчезала под сплошным покровом чёрных и серых крыс. От высохшей травы не осталось и следа. Передние стаи всё пожрали.

Стремительное движение пеструшек не прекращалось ни на минуту и грозило затянуться на всю ночь. Ожо, чуть живой от страха и холода, крепко прижимался к брату. Не то было с Креком. Едва он почувствовал себя в безопасности, как самообладание и смелость вернулись к нему. Он зорко оглядывался кругом и отгонял палкой хищных птиц, которые сопровождали полчища пеструшек. Эти птицы сотнями опускались на ветви мёртвой сосны рядом с детьми, оглушая их своими дикими криками.

К ночи над равниной разостлалась пелена ледяного тумана. Но ещё прежде, чем он успел сгуститься, мальчики заметили неподалёку от своего убежища громадного чёрного медведя.

Могучий зверь, попав в поток движущихся крыс, сам, казалось, находился в большом затруднении. Он яростно метался из стороны в сторону, поднимался на задние лапы, прыгал и жалобно рычал.

— Брат, — сказал Крек, — видно, нам не вернуться сегодня вечером в пещеру. Уже темно, ничего не разглядеть, но я по-прежнему слышу сильный и глухой шум. Это крысы. Им нет конца! Мы, наверное, останемся здесь до утра.

— Что ж, подождём до утра, — решительно ответил маленький Ожо. — У тебя на руках мне не холодно и не страшно, и я не голоден.

— Спи, — ответил Крек, — я буду тебя караулить.

Младший брат скоро уснул, а Крек сторожил его. С мучительной тоской думал он об огне, о нетерпеливом и прожорливом огне, который он так легкомысленно оставил без всякого призора. Огонь, конечно, погас, погас по его вине, погас раньше, чем вернулись отцы или Старейший.

ОГОНЬ ПОГАС

Что же делали остальные обитатели пещеры, пока Крек, разоритель гнёзд, вместе с маленьким братом воевал с легионами пеструшек? Мы помним, что Старейший повёл женщин и детей в лес на поиски пищи.

Едва они начали собирать сухие плоды буковых деревьев, как где-то далеко, очень далеко, в туманной дали, среди безлистных деревьев послышались глухие шаги.

Старейший, приложив палец к губам, приказал своим спутникам хранить глубокое молчание и стал прислушиваться. Но вскоре лицо его прояснилось.

Рюг большеухий припал к земле и, зарывшись головой в траву, вслушивался.

— Ну, Рюг? — спросил старик.

— Идут люди, много людей.

— Это наши. Тревожиться не о чем.

Крик радости вырвался у женщин и детей, но старик остановил их.

— Прислушайтесь! — продолжал он. — Охотники идут медленно и ступают тяжело. Значит, они несут какую-нибудь ношу. Что они несут? Быть может, раненого? Или тащат на плечах тяжёлую добычу? Сейчас мы это узнаем.

Звук шагов между тем с каждой минутой становился всё явственнее и явственнее. Наконец вдали показалась группа людей.

Зоркие глаза женщин сразу распознали мужей и братьев.

— Это наши, наши! — закричали они.

При этом известии дети запрыгали от радости. Но Старейший сурово приказал им стоять смирно.

Затем он двинулся навстречу прибывшим, потрясая чем-то вроде начальнического жезла, сделанного из оленьего рога. Ручка его была покрыта рисунками, изображающими диких зверей.

Охотники приветствовали старика протяжными дружественными криками.

Они рассказали Старейшему о своих странствиях по лесам, а он поведал им, что за это время произошло в пещере.

Охотники принесли часть туши молодого северного оленя и половину лошади. Это было всё, что им удалось добыть. Дичи стало гораздо меньше: уж очень много гонялось за ней охотников соседних племён. С такими охотниками повстречались обитатели пещеры и даже вступили с ними в бой. Но враги бежали после первой же схватки. Никто из жителей пещеры не погиб.

Только у некоторых охотников на коже виднелись царапины и ссадины, запёкшиеся кровавые рубцы. Другие

прихрамывали и шли, опираясь, вместо костыля, на сломанный сук.

Наконец охотники приблизились настолько, что можно было слышать их голоса. Тогда матери подняли детей на руки и, храня молчание, почтительно склонились перед мужьями и братьями.

Прибывшие, несмотря на усталость, дружескими жестами ответили на этот безмолвный привет.

Старейший рассказал охотникам, что обитатели пещеры без малого четыре дня почти ничего не ели, и предложил тут же раздать всем по небольшому куску мяса, а остальное спрятать до завтра и испечь в золе.

Часть молодой оленины немедленно разделили на куски. Однако куски были неодинаковые: охотники захва-

тили себе лучшие, а матерям и детям достались похуже. Но они и этому были рады. Получив свою долю, они уселись подальше от мужчин.

Как только Старейший подал знак, все жадно накинулись на мясо, разрывая его руками и глотая огромные куски.

Старейший получил самый почётный и лакомый кусок — содержимое оленьего желудка. Это было отвратительное пюре из полупереваренных трав, но у охотничьих племён оно и поныне считается самым изысканным блюдом.

Старик старался есть медленнее, смакуя, как истый знаток, странное рагу, принесённое ему сыновьями. Но как только он замечал, что никто не глядит на него, он начинал совать в рот кусок за куском с безудержной прожорливостью самого жадного из своих правнуков.

Старейший был голоден, и в эту минуту он не мог думать ни о чём, кроме еды. Разве не приятно было чувствовать, как утихает голод с каждым новым проглоченным куском? И он позабыл о двух отсутствующих на этом пиру — о Креке и Ожо. А ведь старик любил Крека больше других детей.

Но вот последние крохи были съедены, и люди начали подумывать о возвращении в пещеру. Охотники, сытые и усталые, заранее предвкушали ту блаженную минуту, когда они улягутся на тёплой золе или на шкурах под сводами старой пещеры. Еды у них хватит на день или на два.

Такие беззаботные дни редко выпадали на долю первобытных людей. Такие дни — высшая награда и величайшая радость для тех, кто жил в непрестанной и жестокой борьбе со стихиями.

В эти дни полного спокойствия, бездействия, сытости люди набирались сил для новых охотничьих странствий, всегда опасных и трудных.

Они отдыхали после утомительных долгих скитаний по лесам, где всегда можно было встретить свирепого зверя или попасть в засаду к враждебному племени. Лениво

растянувшись на шкурах, охотники дремали или беззаботно болтали.

Чаще всего они толковали о приключениях, случившихся во время охоты, или вспоминали о встрече с редким животным, попавшимся в лесной чаще. У каждого находилось что рассказать и чем похвастать.

Иногда какой-нибудь охотник брал кость или плоский камень и на нём острым резцом выцарапывал охотничьи сцены, животных, — словом, всё, что запомнилось ему или удивило его. Конечно, эти рисунки на камне или кости были очень грубыми, неумелыми. Но порой первобытный художник так живо и верно изображал животных, что мы и теперь восхищаемся искусством этих далёких мастеров.

Охотники, утолив терзавший их голод, заторопились домой. Но они так устали, что подвигались вперёд очень медленно. Уже наступила ночь, когда они подошли к пещере. Обычно ещё издали они замечали красноватые отблески пламени, озарявшие приветливым светом вход в их подземное жилище. Но на этот раз вход был погружён в глубокий мрак. Свет — весёлый, бодрящий, ласковый свет — исчез.

Отряд остановился у подножия скалы. Старейшины стали совещаться.

«Что здесь случилось без меня?» — подумал Старейший и тихо сказал своим спутникам:

— Хранителем огня сегодня остался Крек. Предупредим его о нашем приходе.

Один из охотников взял костяной свисток, висевший у него на шее, и пронзительно свистнул.

Но никто не откликнулся.

— Значит, — прошептал Старейший, и суровое сердце его дрогнуло, — значит, Крек умер. Наверное, на мальчиков напали. Они или убиты, или уведены в плен каким-нибудь бродячим племенем.

— Нет, — возразил один из старейшин, — уже давно поблизости не встречался ни один чужеземный охотник. Крек и Ожо просто заснули.

— Поднимемся в пещеру, — сурово промолвил Старейший. — Если они заснули, они будут жестоко наказаны.
— Смерть им, смерть! — раздалась свирепые голоса.
— Смерть, если, на горе нам, огонь погас!

Неужели они лишились огня? Сначала охотники лишь удивились и встревожились, заметив отсутствие красных отблесков у входа в пещеру. И только теперь бедняги ясно представили себе, какие страшные несчастья сулит им потеря огня.

Что за беда, если дети погибли, — ведь пользы от них мало, а кормить их всё-таки надо.

Но если погас огонь — огонь-утешитель, который так весело потрескивал на очаге. . . Мысль об этом приводила в трепет самого мужественного охотника.

Если огонь умер, люди тоже умрут. Они знали, чувствовали это. Как они тосковали по огню во время своих охотничьих странствий! Но ведь тогда они разлучались с ним не надолго. Но теперь. . . теперь огонь покинул их навсегда. Значит, они неизбежно погибнут.

Никогда они не попадали в такое ужасное положение.

Огонь, верный и жаркий огонь, жил в пещере много лет. Никто не знал, кто и когда занёс огонь в их жилище. . .

Летом трава и деревья иногда загорались от молнии, падавшей с неба, как утверждали опытные охотники.

Но как быть зимой? Идти к соседям просить, как милости, горящую головню? Но чаще всего окрестные племена, укрывавшиеся по неведомым тайникам, сами сидели без огня, а те, у кого в жилище пылало благодетельное пламя, те ни за что не согласились бы поделиться этим неоценимым сокровищем.

— Вперёд! — приказал Старейший дрожащим голосом.

Уже не раз Гель и Рюг доносили старейшинам, что стая громадных гиен, привлекаемая запахом гниющих отбросов, бродит по ночам около входа в пещеру. Только свет костра удерживал их на почтительном расстоянии.

Но теперь огонь погас, и эти отвратительные животные

могли забраться внутрь пещеры; поэтому охотники поднимались по ступеням молча и осторожно, с рогатинами наготове, оставив женщин и детей внизу, у подножия скал.

Но пещера была пуста, со стен её веяло ледяным холодом. Охотники ощупью обшарили жилище; они перебрали угли очага, с надеждой ощупывали золу. В середине куча была ещё тепловатой.

Напрасно Гель, бросившийся на золу ничком, дул изо всей силы, пытаясь разжечь тепловатые угли, — ни одна искорка не вспыхнула.

Огонь потух, потух навсегда, а Крек и Ожо исчезли! Эту зловещую весть принёс Гель матерям и детям; Старейший послал его передать приказание идти в пещеру.

Наконец все собрались вместе. Никто не мог больше сдерживать громких рыданий. Кто упал в горе на землю, кто остался стоять. Но все они были потрясены, подавлены. . .

Когда прошёл первый взрыв горя, измученные люди забылись тяжёлым сном. Но и во сне они стонали и вздрагивали. Только Старейший, Рюг большеухий и Гель-рыболов бодрствовали во тьме. Юноши должны были вплоть до самого рассвета сторожить вход в пещеру.

Всю ночь Старейший просидел возле холодного очага. Как возродить огонь, как вернуть его в пещеру? Но напрасно он рылся в смутных обрывках давних воспоминаний. Он был стар, его память ослабла и не могла подсказать ему, как искать спасения от мрака и стужи, воцарившихся отныне в пещере.

Глава VI

ОСУЖДЕНИЕ

Когда серый рассвет медленно разогнал темноту, покрывавшую землю, Крек открыл глаза и немало удивился, увидев себя на дереве. Впрочем, он сразу всё припомнил,

взглянул на братишку, спавшего у него на руках, и быстро перевёл глаза на равнину, расстилавшуюся над ними.

Всё видимое пространство, вплоть до тёмной опушки леса, казалось безжизненной пустыней. Земля была совсем голой, нигде ни былинки.

Крысы исчезли, а с ними исчезла и опасность.

Крек растолкал брата, и оба мальчугана, продрогшие за ночь, быстро спустились на землю.

Они думали только о том, как бы скорей добраться до пещеры и отдать богатую добычу. Быть может, этим они вымолят себе прощение за долгое отсутствие.

Ожо беззаботно смеялся. Но Крек сознавал свою вину, и сердце его трепетало от страха.

Они подобрали убитых накануне животных и поспешно двинулись в путь. Спускаясь по тропинке с утёса, Крек разогрелся от быстрой ходьбы, но стоило ему подумать о своём проступке, как кровь холодела у него в жилах.

Рюг большеухий первый услышал и увидел с порога пещеры несчастных охотников, которых он считал навеки погибшими. Он предупредил Геля и кинулся им навстречу.

Дети тут же объяснили ему, что с ними случилось и почему они провели ночь в лесу.

— Да, конечно, — проворчал добродушный Рюг, — вы хотели помочь нам всем. Старейший, быть может, простил бы вас. Но вернулись отцы, и гнев их беспощаден. Они нашли пещеру покинутой и огонь потухшим. Это твоя вина, Крек. Теперь вы погибли, несчастные!

— О Рюг! Что с нами сделают?

— То, что делают с оленями и лошадьми, когда их окружают и поймают.

— Нас убьют?

— Таков обычай.

Крек опустил голову на грудь. Ожо принялся горько плакать. Они понимали, что такое смерть.

— Спрячьтесь в лесу, подальше отсюда, — уговаривал Рюг детей, тронутый их горем. — Идите по направлению

к восходу солнца и каждый день трижды стучите по стволам деревьев — поутру, в полдень и вечером. Я услышу вас, открою ваше убежище и принесу вам еду и одежду.

— Бежим! . . — сказал Ожо, пытаясь увлечь Крека.

— Стойте! . . — послышался вдруг совсем близко прерывающийся голос; это был голос Старейшего.

Рюг и дети, захваченные врасплох, упали на колени, с мольбой протягивая руки.

— Гель сказал мне, что вы идёте в пещеру и что Рюг побежал вам навстречу, — сказал старик. — Я пошёл вслед за Рюгом. Я слышал, что вам советовал Рюг. Теперь уже поздно бежать. Я поймал вас. Наказание справедливо и заслужено! Вас ждут! Идёмте!

— Сжался над нами, Старейший! . . — молили дети.

— Ожо не виноват, отец! — горячо вступился за брата Крек.

Но старик, не слушая его, продолжал — на этот раз с грустью в голосе:

— Крек! Как я верил в тебя! Я любовался твоим мужеством, твоим послушанием, твоей ловкостью и находчивостью. Я сделал бы из тебя охотника, не знающего соперника. А ты? Что ты сделал? Ты убил нашего благодетеля, ты убил огонь. Ты обрёк всех нас на смерть от свирепого холода. Ты должен умереть прежде всех.

— О Старейший, сжался! Я узнал. . .

— Твоя вина слишком велика. Огонь, великий друг наш огонь погас! И ты виноват в этом. Молчи, не оправдывайся. Это не поможет тебе. Иди за мной. А ты, Рюг, не проси меня за них. Вперёд! Пусть наши охотники не увидят презренных трусов, которых не стоит даже выслушать.

Несчастные дети с замирающим сердцем спустились по той самой тропинке, по которой ещё вчера подымались так весело.

От тоски и страха им стало жарко; но когда они вошли в пещеру, ужасный холод, сменивший бывшее тепло, сразу пронизал их.

Все были в сборе, но в пещере царила полная тишина. Глубокое отчаяние заставляло всех клонить голову к земле и сдавливало им горло. Это было ужасно!

Мальчики ожидали услышать страшные проклятия. Они приготовились стойко перенести их, а вместо того... Это безмолвное отчаяние взрослых было ужаснее самых яростных угроз.

Вокруг потухшего очага сидели старейшины.

Время от времени они почтительно притрагивались к золе, точно касались тела друга, в смерть которого не хочется верить. Волосы у них, обычно связанные в пучок на макушке, были теперь распущены и падали в беспорядке по плечам в знак глубокой печали. Многие плакали.

Слёзы, катившиеся по щекам воинов, потрясли бедного Крека. Он понял, что погиб. Ожо, весь дрожа, искал глазами в глубине пещеры свою мать.

Но он не нашёл её среди женщин, неподвижно стоявших позади охотников. Тогда он сжал руку брата и закрыл глаза.

— Вот дети, — сказал Старейший.

Сдержанные рыдания послышались среди женщин.

— Пусть говорят, мы слушаем, — пробормотал начальник, самый важный после Старейшего.

Крек рассказал всё, что с ними случилось, почему они не могли вовремя вернуться в пещеру. Он пробовал разжалобить стариков.

— Мы надеялись раздобыть много пищи для всех, — задыхаясь, закончил мальчик свой рассказ, — и только потому я покинул пещеру. Уходя, я позаботился о том, чтобы огонь не погас, а прожил бы до нашего возвращения.

— Огонь умер... — проворчал один начальник. — И пусть он будет отомщён!

Крек и Ожо растерянно озирались кругом. Дикие крики, взывавшие о мести, становились всё громче и громче. Напрасно братья искали проблеска жалости на лицах старейшин и охотников. Все лица были искажены отчая-

нием и яростью, во всех взглядах светилась свирепая решимость.

Старший начальник встал, подошёл к детям, схватил их за руки и громко крикнул:

— Старейшины говорят: огонь умер. Изменники должны тоже умереть. На колени! А вам, отцы, матери и дети, да будет их судьба уроком.

Он занёс над головой маленьких преступников тяжёлый каменный топор. Но Крек вырвался из его рук и упал на колени перед Старейшим.

— О Старейший! — воскликнул он дрожащим голосом. — Огонь умер, и я убил его; я заслуживаю смерти. Но ты. . . ты знаешь столько тайн, ты был другом Фо-чужеземца. . . Разве ты не можешь сделать то, что делал Фо-чужеземец?

— Фо-чужеземец? . . . О чём ты говоришь? — пробормотал с удивлением старик. — Я забыл это имя.

— Старейший, ты не помнишь Фо-чужеземца? Он добрался до нашей пещеры весь израненный. Он один уцелел после какого-то страшного боя. Начальники позволили ему поселиться рядом с нами. Он прожил недолго. Он стал твоим другом, ты можешь сделать то же, что делал он.

— Что же делал Фо-чужеземец? — быстро спросил Старейший. — Я вспомнил теперь его, но я не знаю, что он мог сделать. Говори! А вы, сыны мои, — прибавил старик, — подождите наказывать его.

Мрачное судилище безмолвствовало, и это молчание было ответом на просьбу Старейшего.

Крек собрался с духом и, крепко прижав руку к сердцу, снова заговорил, обращаясь к старику:

— Ты позволил мне говорить, Старейший! Разве Фо-чужеземец не открыл тебе своей тайны? Так узнай же всё, что я сам видел своими глазами.

— Что же ты видел, какие тайны открыл тебе Фо-чужеземец? Говори скорей, и пусть никто не осмелится перебить тебя.

— Однажды, Старейший, — начал свой рассказ Крек, — я бродил по соседним пещерам и, как всегда, переворачивал камни, чтобы найти каких-нибудь животных, которые часто прячутся под ними. Один камень оказался очень тяжёлым. Я долго возился с ним. Но когда в конце концов я перевернул его, то нашёл под ним странные, невиданные вещи. От удивления я вскрикнул. Фо-чужеземец услышал мой крик и подошёл ко мне. «Это моё, — сказал он. — Никогда не смей говорить о том, что видел, или я убью тебя!» Потом он прибавил: «Когда для меня наступит время уйти в ту страну, откуда никто не возвращается, я оставлю вещи Старейшему в благодарность за то, что он разрешил мне поселиться с вами. Но до тех пор пусть он ничего не знает. Молчи, ты в этом не расквешься! Впрочем, — сказал мне Фо-чужеземец, — раз ты открыл моё сокровище, то узнай, для чего оно служит». Он взял короткую, очень твёрдую палку с дырочкой посередине; потом вставил в дырку конец маленькой палочки и принялся быстро вертеть её между ладонями рук. Скоро из дырочки показались дым, потом пламя, оно зажгло сухой мох. . . Вот что я видел.

Пока Крек говорил, лица суровых воинов выражали величайшее удивление и напряжённое внимание. Даже Старейший не в силах был сдержать волнение и сохранить невозмутимый вид.

Мальчик смолк. Старейший вздохнул полной грудью и сказал, точно самому себе:

— Крек, сердце моё полно радости и надежды. Фо-чужеземец умер, но не открыл мне своей тайны. Но теперь словно свет просиял в тёмной бездне моей памяти. Теперь я всё понимаю. Тайну Фо знали мои предки, но сам я не был посвящён в эту великую тайну. Если ты сказал правду и мы найдём в пещере сокровище чужеземца Фо, мы будем спасены. Огонь снова оживёт, весёлый и ласковый, он снова будет оберегать нас. Быть может, тебя простят. . .

— Да будет так, — сказал старший начальник. — Пусть дети выйдут из пещеры и подождут под надзором Рюга.

Рюг, очень довольный в душе, уже хотел увести мальчиков, но Старейший снова обратился к Креку:

— Почему ты мне раньше не сказал об этом?

— Прости, если я худо сделал, Старейший, — ответил Крек, — но ведь я обещал молчать. Я думал, тебе давно известна тайна! Это было так давно, я забыл об этом. Хорошо, что я сейчас вспомнил о Фо-чужеземце. Иначе мне пришлось бы умереть.

— Что случилось с вещами чужеземца Фо?

— Не знаю. Я ни разу не осмелился пойти туда, где их нашёл. Они, наверное, и теперь там, если только чужеземец не поломал их.

— Хорошо, Крек, — ответил старик. — Хорошо, надейся. И ты, Ожо, утри слёзы. Рюг! Ты останешься с детьми. Понимаешь?

— Понимаю и повинуюсь.

Старейший с волнением, которое напрасно старался скрыть, поглядел вслед детям.

В наши дни очень многие дикари пользуются двумя палочками для добывания огня. При трении сухое дерево постепенно нагревается, начинает дымиться и в конце концов загорается.

Но в те незапамятные времена, когда жили Фо и Крек, только очень немногие люди умели добывать огонь трением. Эти счастливые избранники ревниво оберегали от всех окружающих свой драгоценный секрет: это давало им огромную власть над остальными людьми.

Без сомнения, Фо-чужеземец скрывал свою тайну, надеясь с её помощью завоевать себе почётное место среди обитателей пещеры. Но огонь в пещере горел непрерывно, и Фо так и не представилось случая проявить своё искусство. Перед смертью он не успел открыть свой секрет Старейшему и, наверное, унёс бы свою тайну в могилу, если бы Крек случайно не поднял камня. Убедившись, что дети находятся неподалёку от входа в пещеру, старик вместе с сыновьями отправился к месту, где жил Фо-чужеземец.

Крек сказал правду: под камнем лежали разные вещи чужеземца: прозрачные камни, просверленные посредине, куски янтаря и агата и две драгоценные палочки. Старейший жадно схватил их и пошёл обратно в пещеру.

Он сел, взял короткую твёрдую палочку с дырочкой, положил её под ноги, вставил в дырочку конец другой палочки и принялся быстро вертеть её между ладонями.

Охотники обступили старика и не отрываясь следили за каждым его движением. Скоро из дырочки показался лёгкий дымок. Толпа охотников ещё плотнее сомкнулась вокруг старика. Через головы и плечи друг друга неотступно глядели они на волшебные палочки. Наконец показался лёгкий дымок, и клочок сухого мха вспыхнул. Огонь воскрес!

Толпа ахнула, слышались восторженные восклицания. Старейший схватил клочки горящего мха и перенёс их на очаг. Вскоре затрещали мелкие сучья.

Очаг ожил, и ожили сумрачные лица охотников. Кое-кто бросился к сваленным в беспорядке тушам — добыче последней охоты. Им не терпелось отведать горячего мяса. Но воины сурово остановили их.

— Ещё не время, — строго сказал Старейший. — Огонь воскрес, в пещере снова будет тепло и светло. Теперь нам нужно решить, что делать с осуждёнными.

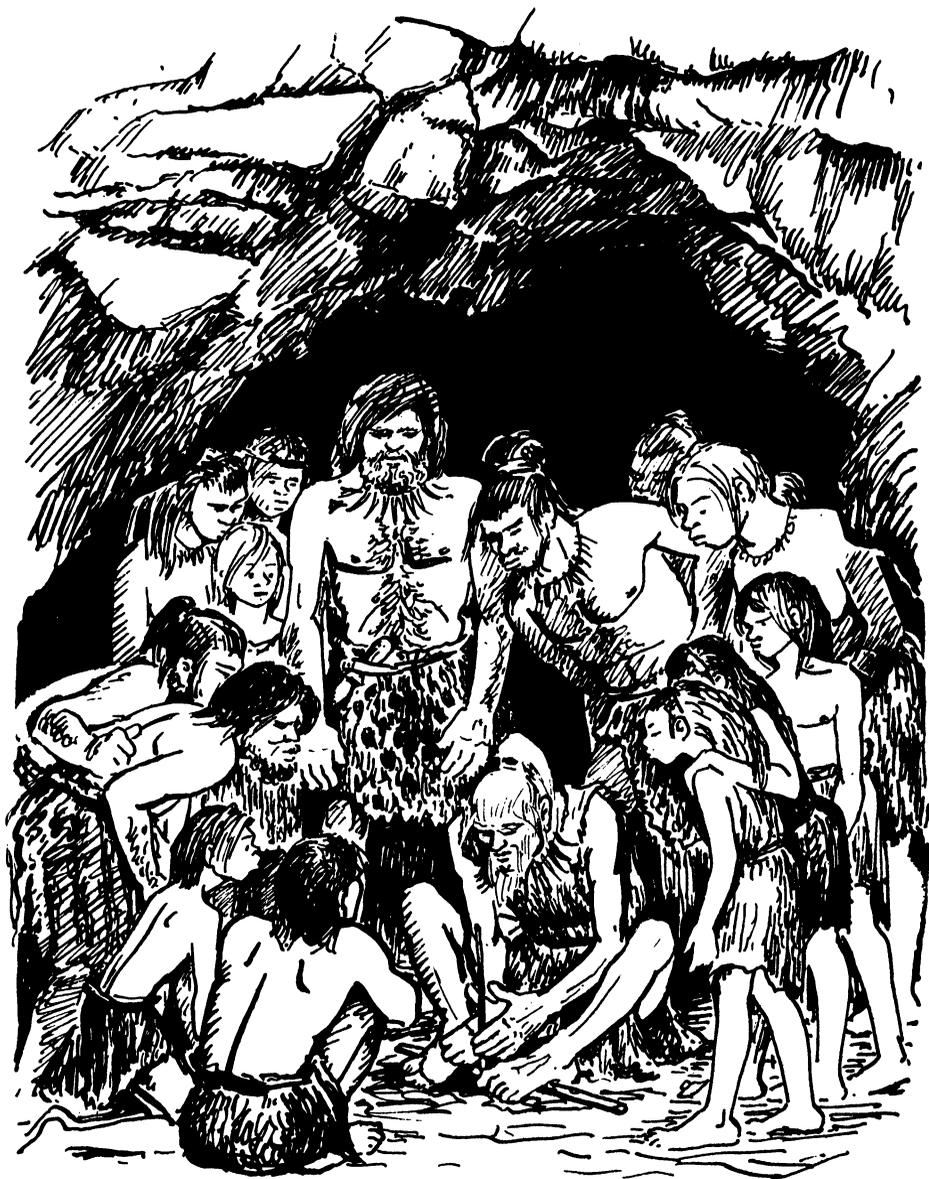
Между тем виновные молча, закрыв лица руками, сидели неподалёку от входа, ожидая приговора.

Рюг наблюдал за ними, не говоря ни слова.

Старейшины долго совещались. Наконец старик вышел из пещеры и направился к детям. Его морщинистое лицо было мрачно. Рюг молча, с тревогой смотрел на старика, как бы спрашивая его о судьбе мальчиков. Старейший сказал:

— Огонь снова горит. Ожо может вернуться в пещеру. Его прощают, он ещё мал.

— О, благодарю! — весело воскликнул маленький Ожо. Но сейчас же прибавил с отчаянием в голосе: — А он, Старейший? Что же он?

Ожо повернулся к Креку, ласково глядя его по плечу.

— Креку дарована жизнь. Но старейшины вынесли такой приговор: кто хоть однажды изменил своему долгу, тот и позднее может снова изменить ему. Никто не может более доверять Креку. Он должен уйти. Пусть он уходит.

— Ужасно! — воскликнул Рюг.

— Молчи, Рюг. Старейшины решили: Креку дадут оружие, одежду и еду. Сегодня же, до заката солнца, он уйдёт далеко отсюда.

Стон Крека прервал его речь. Старик тяжело вздохнул и продолжал:

— Вы с Гелем укажете изгнаннику дорогу к соседним племенам. Никто не хочет, чтобы он заблудился в лесу или сделался добычей зверей. Завтра на заре вы вернётесь в пещеру.

— О Старейший, это ужасно! — пробормотал Рюг. — Ведь Крек так молод. . .

— Молчи, Рюг. Как ты смеешь роптать! Даже мать Крека не осмелилась возражать. Молчи и сейчас же ступай к твоим повелителям. Они ждут тебя, чтобы дать последние указания. Ты, Ожо, иди за ним. Ну, убирайтесь!

Рюг молча повиновался. За ним, спотыкаясь, побрёл и Ожо, — мальчик ничего не видел сквозь слёзы.

— Старейший! — воскликнул Крек, когда они ушли. — Неужели я не увижу тебя больше? Никогда не увижу? . .

— Никогда, Крек, никогда. Но не забывай моих уроков и советов. Я сделал всё, чтобы из тебя вышел ловкий, отважный и находчивый охотник. Ты должен мужественно встретить беду. Не плачь! Переноси несчастье храбро. Мужчина не должен плакать. Прощай!

Крек почтительно склонился перед Старейшим.

Когда он поднял голову, Старейшего уже не было. Бедный Крек, забыв последние наставления старика, упал ничком на камни и горько зарыдал, вспоминая мать, братьев и маленьких сестёр — всех, кого он должен навсегда покинуть.

Глава VII

ИЗГНАННИК

Близился вечер.

Низкие чёрные тучи обволакивали небо. Временами накрапывал мелкий дождь. Холодный ветер, свирепствовавший весь день, утих, и полная тишина воцарилась в лесу. Ни один листок, ни одна веточка не шевелились на кронах гигантских дубов и буков. Только изредка тяжёлая капля срывалась с верхушки дерева и со звоном разбивалась о нижнюю ветку или мягко падала на поросшую мхом землю. Внизу, между могучими стволами, было почти темно, и только привычный взгляд охотника мог бы различить какую-то маленькую фигурку, неслышно пробравшуюся по зелёному мху среди необозримой лесной колоннады.

Это был Крек, несчастный изгнанник из родной пещеры.

Гель и Рюг проводили его, как им приказали, до опушки большого леса. Здесь они простились с Креком и вернулись обратно. Расставаясь с мальчиком, Гель передал ему последние наставления Старейшего: идти только при свете дня, направляясь в сторону полуденного солнца, а на ночь непременно забираться на дерево, — так всего безопаснее. Но Крек, любимец Старейшего, зорко подмечал всё, что происходило вокруг него, и, как все дикари, умел безошибочно определять направление. Он ничуть не боялся заблудиться в лесу, хотя был ещё ребёнком и находился вдали от родных.

Его тревожило совсем иное. Много опасностей таит лес, а что может сделать он один, как бы храбр и находчив он ни был? Вряд ли ему удастся добраться до одного из тех племён, к которым он направляется, чтобы просить у них приюта.

Эти мрачные мысли так взволновали Крека, что у него началась лёгкая лихорадка. Чтобы избавиться от неё,

он на ходу вырывал и жевал лечебные корни, как учил его Старейший.

Он шёл в сгущающейся тьме, глядя в сумрачную даль и чутко прислушиваясь к каждому шороху, каждому звуку, изредка нарушавшему лесное безмолвие. То неожиданно и громко крикнет какая-нибудь птица, устраиваясь на ночлег, то заверещит мелкий зверёк, попав в когти хищнику, то, наконец, с шумом упадёт на землю шишка с могучей сосны.

И всякий раз Крек вздрагивал, останавливался и долго прислушивался. Но снова в лесу наступала глубокая тишина, и мальчик снова шёл и шёл вперед. . .

На плечах он нёс небольшой запас провизии, а в руках крепко сжимал тяжёлый топор с острым каменным лезвием. В поясе было зашито несколько кремнёвых ножей.

Когда совсем стемнело, Крек остановился у подошвы громадной ели. Пора было устраиваться на ночлег. Крек не даром получил прозвище «разорителя гнёзд»: через минуту он был уже на вершине дерева.

Он устроился поудобнее среди ветвей, достал из мешка еду и закусил. Крек не раз вздохнул, вспоминая Ожо: тот спал в пещере подле матери. . . Но усталость взяла своё, и Крек заснул.

Но отдыхал он недолго. Даже во сне чуткое ухо Крека ловило лёгкий шорох в ветвях огромного дерева. Мальчик тотчас проснулся и, сжимая в руке топор, стал тревожно прислушиваться.

Шорох повторился. Крек понял: он не один на дереве, у него появился какой-то сосед по ночлегу. Кто это мог быть?

Крек не знал, что ему делать. Спускаться вниз опасно: враг мог кинуться на него сверху. Попробовать подняться выше на гибкую верхушку, — быть может, неприятный сосед не посмеет последовать за ним?

Крек не знал точно, где укрылся враг, и боялся подставить ему для нападения бок или спину. Оставалось только одно: притаиться там, где он сидел, и приготовить-

ся к бою. Бой, наверное, будет, — это подсказывало Креку чувство охотника.

Шорох повторился снова, ещё раз и ещё... И вдруг в просвет ветвей на фоне ночного неба Крек заметил какую-то длинную тень. В ту же секунду мальчик перескочил на соседнюю ветку. Крек сам не знал, как это случилось: его воля не участвовала в этом прыжке. Его тело, повинуясь какому-то внутреннему порыву, само перенеслось на ближайшую ветку.

Всё это длилось только один миг: тень прыгнула одновременно с ним; и на том месте, где он сам только что ожидал врага, Крек увидел своего соседа. Это была огромная рысь. Прوماхнувшись, зверь едва не сорвался с ветки и теперь висел на ней, уцепившись передними лапами и раскачиваясь всем своим длинным телом.

Крек поднял топор и со всей силы ударил могучего зверя по голове. Раздалось злобное рычание.

Крек снова замахнулся, но на этот раз удар скользнул по боку животного. Сильно качнувшись, рысь успела перескочить на соседнюю нижнюю ветку. Первая схватка между ловким мальчиком и свирепым зверем окончилась.

На дереве снова воцарилась тишина. Слышалось только прерывистое, хрипящее дыхание хищника. Рысь, видно, была тяжело ранена. Теперь Крек знал, что зверь находится под ним. Значит, можно было забраться повыше.

Но едва мальчик перескочил на ближайшую ветку, как сзади снова послышался шорох. Раненая рысь не хотела отказаться от добычи. Крек замер на месте. Зверь также притих. Крек ждал. Ни один звук не нарушал тишину ночи. Даже хриплого дыхания зверя не было слышно. Только изредка какой-то неясный шорох раздавался среди ветвей.

Тревога снова охватила маленькое сердце Крека.

Что затевал враг? Крек боялся пошевелиться. Так прошло довольно много времени.

Вдруг лёгкий шум раздался над головой мальчика, и

тогчас огромное тело обрушилось на него сверху. Но Крек успел увернуться и укрылся за ствол. Он почувствовал только, как острые когти царапнули его руку выше локтя, и в тот же миг огромная лапа вцепилась в ветку совсем около него. Изогнувшись, почти вися на одной руке, не помня себя от страха, Крек изо всей силы ударил топором по лапе и услышал, как хрустнула под лезвием кость.

Удар был так силен, что Крек не удержал топора, и он полетел вниз. А вслед за топором, ломая мелкие ветки, среди града осыпающихся шишек, свалилась с дерева и потерявшая равновесие искалеченная рысь. Она тяжело грохнулась оземь. Обычно звери кошачьей породы легко падают и становятся на лапы. Рысь шлёпнулась, как тяжёлый мешок: раны её были серьёзные, и она, обессиленная, рухнула на землю.

Сначала под деревом слышалась какая-то возня и подвывающее злобное рычание.

Затем всё стихло.

Дрожа от возбуждения и пережитого страха, Крек проворно взобрался на самую верхушку дерева. Он устроился понадёжнее среди гибких, качающихся ветвей и первым делом достал из-за пояса самый большой из запасных ножей.

Теперь он снова был вооружён и мог спокойно ждать нового нападения. Но под деревом всё было тихо, и в лесу воцарилось безмолвие.

Долго сидел так Крек.

Исцарапанная зверем рука сильно саднила, ему было холодно. Понемногу дремота начала одолевать его. Тогда он спустился пониже и, угнездившись в развилине могучих ветвей, скоро заснул. . .

«Карр, карр! — надрывался огромный ворон, качаясь на ветке неподалёку от Крека. — Карр, карр!»

Крек испуганно открыл глаза и не сразу сообразил, где он находится. Было совсем светло. Тяжёлые тучи по-прежнему облегали всё небо. Но ни дождя, ни ветра не было. Перегнувшись через ветви, Крек глянул вниз. Внизу, у го-

лых корней дерева, в луже крови лежал труп его ночного врага. Какие-то пернатые хищники уже терзали его. Крек осмотрел руку. Несколько запёкшихся рубцов указывали, где прошли когти зверя. Рука слегка ныла, но Крек мог свободно двигать ею. Крек ещё раз внимательно огляделся и спустился вниз.

Прежде всего он разыскал упавший во время ночной схватки топор, затем подошёл к мёртвой рыси. На голове её зияла глубокая рана, правая передняя лапа была отсечена. Это было огромное великолепное животное. Встреча с таким зверем в ночную пору опасна и для взрослого охотника, — Крек имел полное право гордиться своей победой. Крек громко крикнул; это был крик торжества и победы. Он совсем позабыл о первом правиле всякого охотника — хранить в лесу глубокое молчание.

Ему ответили три далёких крика,

Удивлённый Крек почувствовал, как у него забилося сердце. Но, вспомнив, что в лесу бывает эхо, он только засмеялся над своей ошибкой.

Однако следовало быть осторожнее, так поступил бы каждый истый охотник. Он схватил топор, подбежал к дереву, на котором провёл ночь, прислонился к стволу и, насторожившись, быстро оглядел чашу, стараясь проникнуть взглядом в её таинственную глубину.

Но вот опять до него донеслось три крика, на этот раз, как ему показалось, голоса раздавались ближе.

Это уже не могло быть эхо. Это кричали люди.

И в самом деле, спустя несколько мгновений в чаще послышался треск сухих сучьев под тяжёлой ступнёй, шорох раздвигаемых ветвей, и два вооружённых подростка очутились как раз против Крека.

— Брат! . . — закричали они. — Вот мы и пришли!

Ошеломлённый Крек выпустил топор из рук и, весь дрожа от радости и изумления, скорей прошептал, чем сказал:

— Гель! . . Рюг! . .

— Да, брат! Теперь мы тебя больше не покинем. Старейший позволил нам идти с ним и разыскать тебя.

— Старейший? . . . — растерянно повторил Крек.

— Да, да, Старейший, — внезапно произнёс за ним знакомый голос.

Крек быстро обернулся и увидел в двух шагах от себя Старейшего с громадной волчьей шкурой на плечах. Он надевал её только тогда, когда собирался в далёкое путешествие. Он был в полном вооружении, а лицо его было разрисовано белыми полосами, сделанными мелом, как полагается начальнику племени. В руках старик держал свой жезл из резного рога северного оленя.

Крек преклонил колени.

— Старейший! — сказал он. — Ты не покинул меня. . . Благодарю тебя!

— Помнишь, Крек, ты не оставил твоего престарелого наставника на берегу реки, когда на нас надвигались ужасные чудовища. Я вспомнил это — и, видишь, я здесь. Я навсегда покинул пещеру. Я никогда не расстанусь с тобой и с этими двумя храбрецами — Гелем и Рюгом, — они упростили меня взять их с собой.

— Но что это? — продолжал старик, глядя на мёртвого зверя, распростёртого у корней ели. — Неужели ты убил его?

Предшественный Гелем и Рюгом, он приблизился к рыси, лежавшей на земле.

Пока Крек рассказывал о ночной битве, а Рюг большеухий внимательно слушал, Гель вытаскивал из лыковых плетушек пищу для утренней трапезы.

Когда Крек кончил свой рассказ, все принялись за еду.

— Сегодня вечером, — сказал ему старик, — тебе не придётся, как птице, забираться на ветку из страха перед дикими зверями. На ужин у нас будет жареное мясо. Я унёс с собой «огненные палки». В пещере огонь долго ещё не погаснет. А мы каждый вечер станем зажигать огонь и по очереди будем спать на земле под его надёжной охраной.

После завтрака старик помог Креку снять шкуру с уби-

той рыси. Затем все двинулись в путь, в далёкий, неведомый мир. Старик шёл размеренным твёрдым шагом, а дети — легко и весело.

Первый день прошёл для четырёх друзей мирно, без всяких приключений, если не считать погони за маленькой лисицей: её кровь охотники выпили на одной из остановок.

Глава VIII

В НЕВЕДОМЫЙ МИР

За первыми днями пути последовало ещё много других дней, то пасмурных и дождливых, то светлых от падающего снега, но солнце показывалось редко. Старейший с внуками всё продолжал идти через леса, равнины и горы в сторону полуденного солнца.

Ни один день не проходил без того, чтобы Крек не получил от Старейшего или братьев какого-нибудь полезного урока.

Он научился распознавать крики, пение, свист, рычание, — словом, все голоса земли и живых существ, её населяющих.

Природа была для него чудесной школой, а строгими учителями — нужда и лишения и иногда долголетний опыт Старейшего.

Крек узнал всякие хитрости и уловки, какие применяются на охоте за разными животными: умел ставить западни, осторожно обходить зверя, угадывать, в какую сторону кинется испуганное животное.

Он был моложе своих братьев, но бегал, прыгал, лазил, плавал и нырял гораздо лучше их.

Еле заметные следы животных, самые лёгкие царапины маленьких когтей где-нибудь на коре дерева никогда не ускользали от его острого взгляда.

Он умел подстеречь и схватить рыбу так же ловко, как

Гель; слух у него теперь был не хуже, чем у Рюга, а обоняние так остро, что он издали мог предсказать, какое животное приближается к ним.

Но Крек никогда не кичился своим превосходством, не хвастал своими знаниями. Он всегда был готов учиться и внимательно слушался каждого слова Старейшего.

Это был всё тот же скромный и терпеливый мальчик. Он по-прежнему восхищался старшими братьями и глубоко почитал своего учителя. Правда, иногда Креку казалось, что старик ошибается, но это не могло поколебать уважения мальчика к престарелому наставнику.

Путешествие затягивалось, а погода становилась всё хуже и хуже. Зима была не за горами.

Старик уже не раз подумывал о том, что было бы разумнее выждать наступления более тёплых дней в каком-нибудь сносном жилище.

Но где найти жильё?

Построить хижину из ветвей, обложить её толстым слоем земли? Но такая хижина не могла защитить путников от осенних дождей и свирепых зимних ветров.

И Старейший, невзирая на суровую погоду, всё ещё продолжал двигаться вперёд. Ему хотелось найти какое-нибудь надёжное убежище на зиму.

Но путь наших странников пролегал по равнине, где трудно было отыскать что-нибудь подходящее.

Как-то раз они попробовали устроиться на ночлег в большой яме, в лесу; это было заброшенное логовище какого-то животного.

Но в ту же ночь прошёл сильный дождь, и воды соседнего болота внезапно разлились по равнине, затопив берлогу, только что превращённую в человеческое жильё.

Путешественники едва не утонули, захваченные водой во время сна. Чуть ли не вплавь спаслись они из этого негостеприимного убежища и бежали на равнину. Здесь провели они остаток ночи под проливным дождём и яростным ветром.

Но судьба наконец сжалилась над нашими странниками.

Однажды охотники преследовали какую-то дичь. Пробегая мимо невысокого холма, густо поросшего деревьями, Рюг заметил, что южный склон его круто обрывается к бурному ручью, протекавшему вниз. В обрыве зияла какая-то чёрная дыра, наполовину прикрытая вьющимися растениями.

Рюг тотчас направился к ней, обошёл её со всех сторон и внимательно осмотрел снаружи. Обрыв был сложен из пластов какого-то сероватого камня. Кое-где плиты обломились и лежали грудami, кое-где нависли над самой водой, образуя обширные навесы.

В одном месте чёрная дыра, откуда бежал маленький ручеёк, вела далеко в глубь обрыва. У входа Рюг заметил огромную кучу слежавшегося мусора и несколько обугленных, полусгнивших коряг.

«Наверное, здесь когда-то жили люди», — подумал Рюг.

И сейчас же прибавил:

«И люди будут жить здесь. Нам нужно как раз такое убежище. Здесь мы найдём защиту от дождей и снега».

Он обошёл холм, чтобы убедиться, нет ли где-нибудь другого входа в таинственное подземелье. Но поиски его были напрасны: тёмное отверстие под обрывом, загороженное сеткой вьющихся растений, было единственным входом в пещеру.

Рюг осторожно раздвинул лианы и терновник, закрывавший отверстие, и отважился заглянуть вглубь.

— Очень темно, — проговорил он, — но зато тихо.

Рюг пригнулся и, держа копьё наготове, полез в подземелье.

Прошло несколько секунд, как юноша скрылся под камнями. Вдруг из пещеры послышался неясный треск, затем пронзительные крики и удары.

Ещё мгновение — и в отверстии пещеры показался

Рюг, запыхавшийся, забрызганный кровью, с обломком копья в руке; он перевёл дух и со всех ног бросился бежать к тому месту, где мог находиться Старейший.

Между тем старик и мальчики начали уже тревожиться за Рюга.

Когда юноша подбежал к своим друзьям, он не сел, а упал около костра; он молчал и дрожал всем телом.

Старик и дети смотрели на него с удивлением.

— Что случилось, Рюг? — спросил Старейший. — Откуда эта кровь? У тебя оружие сломано! Что произошло?

— Люди... люди... — бормотал Рюг, мало-помалу начавший дышать спокойнее.

— Люди! Где? — вскричали охотники.

— Вот там, в подземелье. Они напали на меня в темноте. Я сражался во мраке, но моё копьё сломалось, и я бежал. Надо было предупредить вас об опасности и помешать вам попасть к ним в засаду. Сколько я их убил! Сколько я их убил! Много, очень много! Но их осталось ещё больше.

Охотники всё время прерывали рассказчика восклицаниями. Эта весть поразила их. Они были храбрые, но и самые храбрые воины при вести о близкой битве становятся серьёзными.

— Вставайте, — приказал Старейший. — Берите оружие. Идём навстречу врагу. Но почему они не преследовали тебя?

Мирные путешественники сразу превратились в воинов и в строгом боевом порядке двинулись к пещере.

Гель захватил с собой длинную горящую головню, — так приказал ему старик.

Они подошли ко входу в мрачное подземелье, Гель бросил туда свой горящий факел. Воины, потрясая оружием, разразились воинственными кликами. Они ожидали, что враг, сидевший в засаде, сейчас же яростно набросится на них.

Но вместо людей, с которыми так храбро сражался

Рюг, из пещеры с пронзительным криком вылетели какие-то большие чёрные и рыжие существа:

Одни из них быстро улетели, исчезнув между деревьев, другие, раненые, попадали на землю.

Оказалось, что Рюг большеухий в темноте принял за людей огромных летучих мышей.

Охотники осмотрели убитых зверей. Конечно, эти животные были не так страшны, как вооружённые люди, но никто не смеялся над испугом Рюга: в тёмной пещере их легко было принять за свирепых чудовищ.

Потом все вернулись к пещере.

Крек влез в неё, поднял головню, раздул огонь и, подбросив в костёр сухой травы и веток, стал на пороге, ожидая, не появится ли ещё какой-нибудь враг. Но внутри всё было тихо, и, когда дым рассеялся, все забрались под каменные своды.

Пещера была низковата, но довольно суха и просторна. Маленький ручеёк, выбиваясь из расселины в глубине пещеры, протекал вдоль стены. У входа виднелись следы древнего очага. Своды и стены были закопчены.

Видно, здесь некогда обитало какое-то не слишком многолюдное племя.

Старейший осмотрел пещеру, и она показалась ему подходящим убежищем от непогоды и от диких зверей. Было решено провести здесь остаток зимы.

В этот вечер охотники спали уже под кровом. В первую ночь почётная обязанность оберегать остальных и следить за огнём выпала на долю Крека.

Зима прошла быстрее, чем ожидали охотники. Жестокие морозы скоро сменились оттепелями и дождями. В морозные дни охота на оленей была более удачна, потому что эти животные отыскивали под снегом лишайники и мох.

Около жилища охотников протекала тихая, заросшая камышом речка. Когда наступили тёплые дни и олени ушли к полуночным странам, наши охотники начали бить по берегам реки кабанов, болотных птиц, выдр и других, более

редких зверей. Одни звери были громадны, другие чуть побольше кроликов. Все эти звери и зверьки валялись в грязи, плавали, ныряли, отыскивая рыбу или корни водяных растений.

Однажды на охоте Крек сделал очень важное открытие.

На берегу реки лежали упавшие деревья. Они были настолько велики, что у мальчиков не хватало силы подтащить их к пещере. Рюг пытался расколоть их большим каменным топором, но из этого ничего не вышло. Каменный топор только скользил по твёрдому, высохшему дереву. Так они и остались лежать на берегу, возле самой воды.

Животное, за которым охотился Крек, спряталось в нору, как раз под одним из этих стволов. Мальчик принялся расширять и расчищать руками и древком копыя нору, а потом позвал на помощь Рюга.

В конце концов мальчики решили, что лучше всего откатить дерево в сторону, и тогда они, наверное, поймают зверька.

Берег довольно круто спускался к реке, и Крек с Рюгом без особого труда скатили бревно вниз; дерево с разгона упало в воду, разбрасывая целые фонтаны брызг.

Сухой и крепкий ствол, тихо колыхаясь, поплыл по течению.

Гель в это время купался, увидев скатившееся бревно, он бросился за ним вдогонку. Тащить большое тяжёлое бревно было трудно, и Гель решил взобраться на него верхом, рассчитывая, что ему легче будет направить его к берегу.

Гель рассчитал правильно. Сначала он плыл верхом на бревне по реке, а затем благополучно причалил к берегу.

Между тем Крек и Рюг, поймав зверька, решили отдохнуть и выкупаться. Не долго думая, они бросились в реку вдогонку за Гелем. Но Гель на бревне плавал гораздо быстрее их. Креку и Рюгу это показалось обидным, и они решили последовать примеру Геля.

Мальчики скатили в воду ещё два бревна, и вскоре на реке показалась целая флотилия. На берег вышел Старейший; его привлекли весёлые крики и возня ребят; он присел на траву и стал любоваться их играми.

Случайно бревно Рюга сцепилось своими крючковатыми сучьями с бревном Крека. Мальчики попробовали разъединить брёвна, но это им никак не удалось. Тут Крека осенила новая мысль.

— Давайте плавать вместе. Как много у нас места! Гель, — крикнул он, — подплывай к нам, садись вместе с нами!

Мальчики стали плавать втроем, кое-как управляя подобранными в воде палками.

Старейший окликнул их и приказал подплыть к берегу. Когда братья приблизились к берегу, старик сошёл в воду и осмотрел их самодельный плот. Затем он велел детям наломать гибких ветвей и спустить на воду ещё несколько стволов.

Потом Старейший, обрубив кое-где ветки, пригнал стволы плотнее друг к другу и начал связывать их гибкими прутьями и ветвями лиан. Мальчики немедленно принялись ему помогать, и скоро неуклюжий, но зато очень прочный плот был готов. Он отлично выдерживал тяжесть старика и мальчиков. Старейший остался очень доволен своей выдумкой.

Так как река текла по направлению к восходу солнца, то Старейший объявил детям, что часть пути они сделают на плоту. Плыть по реке легче и спокойнее, чем странствовать пешком.

Дети пришли в восторг от этой затеи. Тронуться в путь решили на следующий день.

Утром охотники срезали и подсушили над костром несколько длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления плотом.

Плот устлали связками камыша, перенесли на него весь запас провизии и свои убогие пожитки.

Затем Старейший торжественно взошёл на плот и приказал Рюгу и Гелю вытолкнуть плот из прибрежных камышей на чистую воду. Мальчики не без волнения повиновались этому приказу, и скоро плот, тихо покачиваясь, поплыл посередине реки.

Глава IX

ОЗЁРНЫЕ ЖИТЕЛИ

Плыть легче, чем идти, и всё же плавание на неуклюжем плоту утомляло наших путешественников. Всё время приходилось зорко следить за тем, чтобы плот не опрокинулся. Целые дни проводили мальчики с шестами в руках, то отталкивая плывшие навстречу коряги, то проворно причаливая к берегу, чтобы избежать опасной встречи с каким-нибудь водяным животным, то снимая плот с мели и направляя его на середину реки. Наконец, на шестой день пути, обогнув крутой поворот, храбрые плователи увидели вдали обширную голубую равнину, окружённую туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крека, словно терялась в этой равнине.

Старейший объяснил детям, что голубая равнина — это большое озеро, отражающее ясное небо.

Крек по своей привычке собрался было засыпать старика вопросами. Но Рюг внезапно вмешался в разговор и помешал ему.

— Я слышу какой-то шум, — сказал большеухий. — Он доносится с правого берега, из-за леса. Не то топот стада оленей или лосей, не то стук камней. Прислушайся, Крек! словно гигантские животные роют берег, или сыплются какие-то камни.

Крек, прислушавшись, сказал, что это ссыпают вместе груды камней.

— Говорите шёпотом, — сказал старик, — а ты, Гель, передай мне мешок, он у тебя под ногами. Камни, наверно, кидают люди. Нам понадобится оружие, если придётся сражаться, и подарки, если мы вступим с ними в переговоры. Я надеюсь, что незнакомые люди, увидев мои сокровища, встретят нас приветливо.

Старик развязал жилу, стягивавшую мешок. И в самом деле, вещи, хранившиеся в мешке, составляли по тем временам величайшую редкость. Старик недаром гордился ими. Тут были куски горного хрусталя, агата, мрамора и жёлтого янтаря, обточенные и просверленные; из них низались почётные ожерелья. Были тут и пёстрые раковины, попавшие из далёких стран, искусно сделанные наконечники стрел, куски красного мела для разрисовки лиц, перламутровые шила, рыболовные крючки и иголки из слоновой кости.

Все эти сокровища старик собрал за свою долгую жизнь.

Дети рассматривали их, широко раскрыв глаза от удивления. Но им не пришлось долго любоваться драгоценностями. Надо было снова приниматься за шесты. Плот, подхваченный течением, быстро приближался как раз к тому месту, откуда раздавался шум, с каждой минутой становившийся всё сильнее и сильнее.

Старик спрашивал себя, не слишком ли неосторожно с их стороны продолжать спускаться по реке на плоту, не лучше ли им высадиться и укрыться под привычную сень береговых лесов, когда Крек, дотронувшись до его руки, прошептал:

— Старейший, нас заметили... Я вижу вдаль, на самой середине реки, каких-то людей. Они плывут на древесных стволах и делают нам знаки. Вон они!

— Теперь поздно скрываться. Поплывём к ним навстречу, — ответил Старейший. С этими словами он встал, поддерживаемый Гелем, и, в свою очередь, принялся подавать знаки рукой.

Через несколько минут плот путников окружили четыре плавучие громады, — таких никогда не видели ни Крек, ни Старейший. То были лодки, выдолбленные из цельных древесных стволов, заострённых по обоим концам. В этих лодках стояли люди и держали вёсла.

— Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, — сказал Старейший, глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки. — Быть может, они дадут нам приют. Надо постараться, чтобы нас хорошо приняли.

Он обратился к незнакомым людям с миролюбивою речью, а те смотрели на пришельцев скорее с любопытством, чем враждебно, и с видимым удивлением указывали друг другу на странный плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика, но приветливое выражение его лица, его спокойные, миролюбивые жесты, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почтенный старик и его молодые спутники не питают никаких враждебных замыслов.

Лодки вплотную приблизились к плоту. Обе стороны обменялись приветственными жестами и улыбками.

Крек с жадным любопытством разглядывал прибывших. По своей одежде и оружию люди в лодках были очень похожи на людей, спустившихся к озеру на плоту.

Пока длилась церемония первого знакомства, лодки и плот продолжали плыть вниз по реке и скоро очутились против пологого песчаного берега. Тут нашим путешественникам открылось никогда не виданное, странное зрелище.

Недалеко от берега, по склонам холма, сплошь покрытого галькой и гравием, двигались взад и вперёд вереницы людей. Одни наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили эти мешки к берегу и высыпали камни в лодки.

Грохот ссыпаемых камней слышали издалека Крек и Рюг.

Плот и лодки направились к берегу и скоро причалили. На берегу, на вершине холма, в широкой выемке Старейший и мальчики увидели скелет громадного животного.

Чудовищный скелет отчётливо вырисовывался на голубом небе; казалось, длинные побелевшие кости держатся какими-то невидимыми связками.

Громадные плоские рога, усаженные острями и зубьями, торчали по обе стороны могучего черепа, высоко поднимая свои разветвления. По-видимому, это был олень или даже, вернее, лось. Когда-то, очень давно, течение прибило его труп к береговой отмели; много лет подряд река заносила его песком и галькой. Наконец река, прорыв себе более удобное русло, отошла в сторону. Труп остался погребённым в береговых холмах. Теперь люди, добывая песок и гальку, раскопали его могилу.

Старейший много раз в своей жизни охотился на лося и ел его мясо. Но такого громадного зверя он никогда не видывал; чудовищные останки этого свидетеля прошедших времён поразили его и мальчиков.

Между тем люди на холме продолжали свой тяжёлый и непонятный для наших путников труд. Несколько человек отделились от толпы работавших и подошли к пришельцам.

По важной осанке, по уверенному виду, по украшениям волос, ожерельям и, наконец, по начальническим жезлам Старейший сразу признал в незнакомцах вождей племени и протянул к ним свои дары. Вожди милостиво, с достоинством улыбнулись, и между ними и стариком завязался длинный разговор при помощи знаков.

Старейший выразил желание найти для себя и своих юных спутников мирный приют в жилищах этого племени. Он поклялся, что они будут служить верой и правдой приютившим их людям. Быть может, со временем их примут в члены великой новой семьи, которую они нашли после длинного путешествия, такого опасного и тягостного.

Вожди не без труда поняли, что хотел сказать старик. Они смерили взглядом Геля, Рюга и Крека. Ловкие и смелые мальчики, видимо, понравились им. Они нуждались в сильных и смышлёных работниках, чтобы закончить важ-

ную работу, начатую на берегу озера. И они согласились исполнить просьбу Старейшего.

Гель, Рюг и Крек почтительно склонились перед ними и принялись весело собирать гальку, не понимая ещё, зачем и для чего они это делают.

Вожди сразу признали Старейшего равным себе человеком. Они усадили его рядом с собой и предложили в знак союза выпить вместе с ними речной воды, поданной в большой раковине.

Тем временем пироги нагрузили доверху. Все расселись по лодкам, путешественники снова поместились на своём плоту, и флотилия тронулась в путь к посёлку туземцев.

Они вскоре достигли устья реки. Здесь началось озеро, безбрежная гладь воды... Старейший и мальчики были поражены величавым простором озера.

Но вот путешественники выплыли в озеро, и перед ними открылось ещё более чудесное зрелище. Справа от устья реки, довольно далеко от берега, виднелось много хижин, крытых тростником и обмазанных глиной. Хижины стояли на широком помосте из древесных стволов. Крепкие сваи, прочно укрепленные в воде, поддерживали помост.

Вода была так прозрачна, что наши путники могли заметить на дне озера, у подножия каждой сваи, громадные кучи галек и гравия.

Тут только они поняли, зачем жители посёлка привозили издалека груды щебня и песку.

Прямые стволы деревьев, грубо обтёсанные, не могли, конечно, глубоко войти в каменистую почву озера, а «бабы», которыми теперь забивают сваи, тогда ещё не были известны. Чтобы прочно укрепить сваи на дне озера, у их основания насыпали громадные кучи камней.

Старейший и трое юношей с изумлением смотрели на эти дома на воде, где отныне им было суждено жить.

— В этих тростниковых пещерах, — сказал Рюг, — можно отдыхать спокойно. Кроме птиц, змей и пожаров, здесь нечего бояться.

Гель и Крек согласились, что здесь жить было гораздо приятней, чем в пещере. Но к радости Крека примешивалась доля печали. Ему недоставало матери и сестёр, Маб и Он. Как бы хорошо было, думал он, если бы на помосте, где стояли хижины, он увидел бы их знакомые фигуры. Что-то они делали теперь? Не забыли ли они его?

Но всё кругом было так ново, так необычно, что грусть Крека быстро прошла. И когда лодки остановились у места, где сваи засыпали гальками, Крек снова развеселился. Он хотел теперь одного: как можно скорее доказать, что он трудолюбив, мужествен, сметлив и будет полезен новой семье.

Между тем на помосте теснились обитатели деревни, с удивлением рассматривая плот с чужеземцами. Они приветливо встретили пришельцев. Молодёжь, всегда любопытная, внимательно осматривала одежду и оружие неожиданных гостей.

Дружба между молодёжью заключается скоро, и, спустя несколько часов, братья и озёрные мальчишки так подружились, словно они с детства знали друг друга.

Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами, — они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтёсывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И конечно, эти орудия были гораздо совершенней грубо обтёсанных, кое-как оббитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготавливать такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине, Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

— Дети мои, — сказал он, — я рад, что мы встретили людей, которые — я признаюсь в этом без стыда — знают куда больше, чем старейшины нашей пещеры и чем я сам. Учитесь у них. Вы молоды и скоро научитесь всему, что знают эти люди. Они изобрели много хороших вещей, и живётся им в этой мирной стране гораздо легче, чем нам в наших лесах. А мне в мои годы уже трудно переучиваться, хотя мне нравится всё, что я вижу здесь.

— Старейший, — сказал Крек, — я видел, как они просверливают в топорах дыру для крепких деревянных рукояток. Для этого нужны костяная палка, песок и вода. На топор они насыпают мелкий песок, поливают его водой, затем с силою надавливают на него костяной палочкой и начинают её вращать. Всё время они подсыпают песок и подливают воду. Сначала получается маленькая впадина, постепенно она становится всё глубже и глубже и наконец превращается в дыру. Но как упорно и долго приходится им работать!

Старейший похвалил Крека за наблюдательность.

Первая ночь на озере прошла спокойно. С тех пор как путники оставили родную пещеру, впервые ни грозный рёв животных, ни крики ночных животных не прерывали их сна. Тихий плеск воды о сваи, казалось, убаюкивал их.

На другой день путники проснулись бодрыми и весёлыми. Выйдя на мостки, соединявшие деревню с берегом, они увидели, что обитатели хижин давно уже встали и принялись за работу. Женщины жарили рыбу и мясо на очагах. Эти очаги были сложены из плоских камней, скреплённых илом, который под влиянием жара обратился в камень.

Быть может, именно вид этого обожжённого ила и внушил позднее первобытным людям мысль лепить из него сосуды наподобие плетушек из коры и обжигать их на огне.

Старейший объяснил детям, что благодаря камню и илу деревянный помост не может загореться.

— Признаюсь, — сказал он, — я всё время боялся, как бы в посёлке не вспыхнул пожар и не погубил хижин. Но чудесные очаги из камней и ила отлично предохраняют посёлок от пожара.

Внезапно громкие и хриплые звуки прервали этот разговор. Старейший быстро оглянулся: дети из посёлка изо всех сил дудели в большие раковины. На их призыв работники, рассеянные по берегу и на пирогах, стали собираться к хижинам. Настал час еды. Через несколько минут все собрались вокруг очага, и среди глубокого молчания вожди начали раздавать пищу.

Некоторое время слышалось только шумное чавканье и изредка — громкая икота.

С наслаждением уплетая маленьких мясистых рыбок с красными точками на спине, Крек вдруг заметил, скорей с изумлением, чем с испугом, неподалёку от очага двух зверьков с острыми ушами и длинным хвостом.

Зверьки сидели неподалёку от людей и жадно смотрели на мясо.

Животные, казалось, готовы были кинуться на людей, но никто не обращал на них внимания. Это удивило Крека. Он тотчас встал, молча схватил свою палицу и собрался храбро напасть на зверьков. Но вождь племени догадался о намерении мальчика, сделал ему знак положить оружие и снова приняться за еду.

Вождь тут же кинул несколько костей животным, и те жадно накинулись на эту скудную подачку и ворча оспаривали её друг у друга.

Старейший удивился не меньше Крека, но вождь объяснил им, что эти зверьки давно уже привыкли жить около людей.

Несколько лет тому назад, в холодное зимнее время, зверьки эти вышли из лесу и бродили возле лагеря. Должно быть, их мучил голод. Однажды кто-то бросил в них

костью. Но зверьки не испугались, а подошли поближе и принялись глотать её. Так продолжалось несколько дней подряд.

— Животные, — добавил начальник, — поняли, что их не убьют, что возле людей можно полакомиться костью, и остались здесь жить. Когда охотники преследуют оленя или какую-нибудь другую дичь, они бегут впереди и кружатся около добычи, подгоняя её к охотникам. Поэтому мы не стали их убивать.

Старейший долго и с восхищением разглядывал зверьков, подружившихся с человеком. Он и не подозревал, что позже потомки этих зверей утратят дикий нрав и станут нашими верными помощниками и товарищами — собаками. . .

Покончив с едой, все улеглись спать. Но отдых длился недолго, вскоре все с новыми силами принялись за работу. Несколько охотников вместе с зверьками отправились в лес. С ними ушли Гель, Рюг и Крек. Оставшиеся принялись крепить сваи; женщины и дети скоблили шкуры, натирали их мокрым песком и жиром, чтобы сделать их мягкими и лёгкими.

Старейший и начальник посёлка уселись возле очага и принялись изготавливать наконечники для стрел. Это были превосходные мастера. Из небольших кусочков кремня они выделывали тонкие и гладкие острия.

Стрелы с такими наконечниками могли тяжело поранить даже огромного лося и зубра.

Если вы будете в музее, остановитесь около коллекции оружия каменного века и поглядите на неё внимательно.

Сколько терпения, упорства, мастерства надо было затратить, чтобы превратить кусок бесформенного камня в гладко отшлифованный тонкий наконечник стрелы или тяжёлый молоток.

У первобытных мастеров не было ни наших инструментов, ни наших станков, и всё же они умели изготавливать те совершенные вещи, которыми мы любимся теперь.

В то время как оба старика работали на помосте свайного посёлка, Крек бродил по лесной чаще. Вдруг он услышал звук, словно кто-то раскусывает орех: треск шёл с верхушки дерева. Быть может, это щёлкал орехи какой-нибудь грызун? Крек присел за высокие сухие папоротники, чтобы скрыться от глаз животного, и взглянул вверх.

Мальчик изумился, когда на верхушке дерева он увидел не грызуна, а ноги какого-то человеческого существа!

Крек бесшумно, словно змея, зарылся в траву и, чуть дыша, стал выжидать, поглядывая на верхушку дерева.

Существо, щёлкавшее орехи, с увлечением продолжало своё занятие. Это, видимо, и помешало ему слышать шелест травы, раздвигаемой Креком. Наконец, оборвав все орехи на дереве, человек решил спуститься на землю.

Он проделал это бесшумно и очень ловко; у подножия дерева он перевёл дух и быстро скользнул в чащу.

Он так и не заметил, не почуял молодого охотника.

Но Крек успел его рассмотреть. Этот человек не походил ни на одного из жителей посёлка, с которыми Крек успел познакомиться.

Лицо у него было волосатое, а шею охватывало ожерелье из когтей медведя.

Кто же был этот незнакомец?

Крек вздохнул свободно после ухода человека с ожерельем, он был доволен, что отделался так просто. В первую минуту Крек хотел бежать в посёлок, но, подумав, решил сначала выяснить, куда направился незнакомый охотник.

Крек кинулся вслед за незнакомцем. Мальчик быстро настиг его и, припав к земле, пополз за ним так близко, что видел, как медленно поднималась трава, примята его ногами.

Запах тины и водяных растений, сначала едва заметный, потом всё более и более острый, возвестил Креку, что они приближаются к берегу озера. И он не ошибся. Скоро

к шелесту листьев и ветвей присоединился и плеск воды. Между деревьями и растениями падали полосы света, они становились всё ярче и ярче.

У опушки леса Крек остановился. Он увидел, что незнакомец, ничуть не скрываясь, смело прошёл по пустынному отлогому берегу и направился в чашу высокого тростника, окаймлявшего озеро. Пока он шёл по берегу, над тростником внезапно появились черноволосые головы.

Крек пересчитал их, или, вернее, поднял по пальцу на каждую голову (доисторические мальчики не умели считать), и увидел, что черноволосых было столько, сколько у него пальцев на двух руках да ещё один палец на ноге.

Крек очень хорошо рассмотрел незнакомцев и теперь больше не сомневался: эти люди не были жителями посёлка на воде.

Он решил поскорее предупредить своих товарищей: ведь притаившиеся в камышах люди могли быть врагами. Крек немедленно пустился в обратный путь. Он бежал по лесу уверенно, как хорошая охотничья собака, и осторожно, как опытный лесной бродяга.

Он скоро отыскал охотников из посёлка. Это было как раз вовремя. Рюг и Гель уже беспокоились, не зная, почему опаздывал брат. Они просили товарищей подождать хотя бы ещё немного.

— Мальчик скоро вернётся, — убеждал Рюг, — я слышу его шаги, он недалеко отсюда.

Но охотники были очень недовольны. Они встретили запыхавшегося мальчика ворчанием. Однако новость, принесённая Креком, сразу же заставила их позабыть своё недовольство.

Охотники знали о соседних бродячих племенах гораздо больше, чем Крек и его братья. Поэтому, когда Крек описал им незнакомцев, они встревожились. Разрубив на части тушу убитого оленя, они взвалили куски мяса себе на плечи и поспешно двинулись к посёлку.

Но на берегу озера их поджидала новая беда: двух лодок не оказалось на месте.

— Куда они девались?

На плоском илистом берегу виднелись борозды, оставленные лодками, когда их вытаскивали на сушу. Виднелись и борозды от двух исчезнувших лодок. Но как их спустили обратно на воду, понять было невозможно. Никаких других следов нельзя было заметить.

Это было удивительно, но времени, чтобы расследовать таинственное происшествие, у охотников не было. Надо было как можно скорее добраться до дому. Охотники столкнули на воду оставшиеся лодки и, сильно взмахивая вёслами, понеслись к посёлку.

Причалив к помосту, охотники поспешили к хижинам вождей. Вскоре все вожди собрались вокруг очага. Они позвали Крека и приказали повторить всё, что он раньше говорил охотникам.

Вожди слушали Крека с мрачными лицами. Затем они оживлённо и долго совещались между собой. Наконец они обратились к Старейшему, который присутствовал тут же. «Мальчик смел и сообразителен», — сказали вожди старику и поручили ему поблагодарить Крека от имени всех вождей.

— Не будь мальчика, — добавил старший вождь, — враги застали бы нас врасплох. Дикие лесные бродяги, что скитаются по берегам озера, могут напасть на нас. Опасность велика; но кто остерегается, тот силен. Эти бродяги давно не появлялись здесь, и мы решили, что они покинули нашу страну. Но, видимо, они скрывались в лесах и теперь замышляют напасть на нас.

Старейший простёр свой жезл над головой Крека и ласково положил ему руку на плечо. Это была большая честь, и Крек был в восторге.

Настала ночь. Все наскоро подкрепили свои силы. Женщины и дети укрылись в хижинах. Люди в полном молчании готовились к защите посёлка. Самые сильные охот-

ники снимали подпоры у мостков, чтобы враг не пробрался с берега. Один отряд воинов затаился в укромных местах между хижинами. Другой — спустился в пироги и залёг в них. Пироги стояли вдоль свай, перед мостками. Сверху их прикрыли тростником, снятым с крыш. На главном помосте у очага был поставлен только один часовой. Этот почётный пост по приказу вождя занял Рюг: все уже знали о его необыкновенном слухе. Лёжа у костра, Рюг должен был прислушиваться к ночным шорохам и, если бы враг приблизился, предупредить вождей.

Рюг не имел права вмешиваться в битву. Как только на помосте завяжется бой, юноша должен был разжечь яркий огонь и неустанно поддерживать его.

В посёлке воцарилась глубокая тишина. Все замерли на своих местах, чутко вслушиваясь в ночные звуки. Время тянулось ужасно медленно. Внезапно Рюг поднял руку.

— Они идут, — прошептал вождь, поняв движение Рюга. — Какие хитрецы, — прибавил он на ухо Старейшему, — ведь они нарочно дожидались конца ночи. Они думают, что перед рассветом сон всего сильнее одолевает человека и наши часовые могут задремать.

Кругом царила глубокая тьма и полное безмолвие. Только изредка вдали раздавался жалобный крик болотной птицы.

Рюг снова поднял руку и лёг.

— Вот они! — сказал вождь.

И в самом деле, воины различили какой-то тихий и необычный плеск, заглушавший по временам мерный и спокойный говор волн.

Мало-помалу этот плеск становился яснее и яснее.

Приближались решительные минуты.

Рюг храпел. Его мирный и звонкий храп, наверно, подбодрял врагов и побуждал их смело подвигаться вперёд. Враги заранее радовались, заметив, что часовой мирно спит. При свете сторожевого огня они могли отчётливо раз-

глядеть беззаботно развалившегося на помосте человека. Часовой спал, вместо того чтобы вовремя заметить неприятеля и поднять тревогу.

Враг был уже близок, но воины посёлка не могли различить ни одного звука, похожего на стук вёсел о воду. Наверное, пироги, украденные бродягами, или их плот вели искусные пловцы, сменявшие друг друга.

Пловцы подвели пироги к сваям с той стороны, где стояли лодки с укрывшимися под связками тростника воинами.

Один за другим нападающие полезли на помост. Они карабкались бесшумно, словно водяные крысы. Через мгновение над краем помоста показались чёрные головы. Широко открытые глаза врагов свирепо блестели при свете костра.

Наконец они взобрались на помост. С их смуглых волосатых тел струилась вода. Тот, кто шёл во главе, показал своим товарищам на уснувшего Рюга и, взмахнув копьём, двинулся к спящему.

Но Рюг не спал. Притворясь спящим, он незаметно придвинул к очагу сухой валежник, облитый смолой: брошенный в костёр, он должен был мгновенно вспыхнуть.

Вождь лесных разбойников подкрался к Рюгу, готовясь пронзить спящего копьём. Но смелый юноша быстро повернулся, будто во сне, и откатился в сторону. В тот же миг он ловко втолкнул в огонь валежник, который вспыхнул теперь ярким пламенем.

Резкий свет ослепил чужого вождя, и он на мгновение остановился с поднятой рукой.

Это невольное замешательство оказалось для него роковым. Не успело его копьё вонзиться в то место, где только что лежал Рюг, как воины посёлка со всех концов помоста бросились и окружили высадившихся дикарей.

На помосте разгорелась ожесточённая битва. Защитники посёлка сражались с отчаянной яростью. Удары дубин

и палиц сыпались на обезумевших черноволосых, словно удары цепов на снопы хлеба.

Перед неприятельским вождём появился Крек и вонзил ему кинжал в грудь. Человек упал, Крек молча прикончил его.

Огонь пылал ярко, и Рюг без усталости подбрасывал всё новые и новые охапки сухого камыша и ветвей. Если какой-нибудь враг осмеливался слишком близко подойти к храброму мальчику, то Рюг, верный своему долгу, совал в лицо неосторожному горящую головню.

Лесные люди сражались храбро и не думали отступать. Если раненый падал на помост, он кусал своих противников за пятки.

Но скоро нападающие поняли, что им не одолеть защитников посёлка. Их отряд был слишком мал, чтобы одержать победу над хорошо вооружёнными и, главное, заранее подготовившимися к бою жителями посёлка. Тогда враги отступили к мосткам, ведущим на берег. Но мостки оказались разобранными. В отчаянии они кинулись к пирогам, рассчитывая захватить их и бежать под покровом ночи.

Но и здесь их ждала неудача. Едва они добрались до края помоста, как воины, спрятанные в лодках, повскакали со своих мест и, потрясая оружием, оглашали воздух грозными, воинственными кликами.

Этого черноволосые не ожидали: они поняли, что окружены и погибли.

Кто не был ранен, бросился в озеро. За ними тотчас же кинулись вдогонку Гель-рыболов и другие искусные пловцы.

Иные, несмотря на тяжёлые раны, продолжали стойко сражаться. Но таких было немного, и скоро все они полегли мёртвыми на залитых кровью брёвнах помоста. Это был конец боя.

Защитники посёлка тут же расположились на отдых; одни осматривали свои раны, другие жадно пили холодную, свежую воду.

Вдруг раздался громкий голос Рюга: юноша кричал женщинам, чтобы они поскорее тащили шкуры и мочили их в воде.

Вождь и Старейший во время боя хладнокровно подавали воинам оружие. Теперь они поспешно направились к Рюгу узнать, что произошло.

— Не стоит, — ответил большеухий мальчик, — сжигать всё наше топливо. Надо поскорее затушить то, что было зажжено. Смотрите, у нас пол загорается!

И верно: посёлку угрожала новая страшная беда — пожар.

Однако благодаря Рюгу удалось предотвратить и эту опасность. Женщины хватали шкуры, мочили их в озере и покрывали ими тлевший пол. Охотники таскали воду в сосудах из коры и заливали очаг.

Когда огонь удалось потушить, надо было позаботиться о раненых. Их разместили по хижинам и наложили на их раны повязки из свежих листьев и трав.

Трупы врагов побросали в озеро. Но прежде чем столкнуть в воду тело человека с волосатым лицом, которого убил Крек, вождь сорвал с него ожерелье из когтей медведя и надел его на шею мальчика.

— Ты заслужил это ожерелье, — сказал вождь, — и я дарю тебе его в знак благодарности моего народа.

Старейший положил руку на плечо Крека и сказал взволнованным голосом:

— Теперь ты воин, сын мой, и я доволен тобой.

На заре появился и Гель-рыболов: он плыл, как рыба. Его лицо было рассечено от виска до подбородка каким-то острым орудием, но это не мешало ему улыбаться.

На вопрос Старейшего, где он так долго пропадал, Гель сурово ответил:

— Вместе с несколькими воинами я закончил под водой то, что вы начали на помосте. А чтобы тот, кто нанёс мне эту рану, никогда не узнал меня по ней, я выколол ему глаза.

СЛЕПОЙ ВОЖАТЫЙ

За этой страшной ночью последовал ряд спокойных и мирных лет, и жизнь в маленьком посёлке на сваях не омрачалась никакими происшествиями.

За эти годы Крек не раз отличался своим мужеством, изобретательностью и ловкостью. Его часто хвалили, но он сумел остаться скромным, и поэтому все любили его, и никто не завидовал ему, как бы ни отличали его старшие. Каждый видел в нём бесстрашного защитника посёлка, будущего вождя.

Гель и Рюг охотно признавали за ним первенство и любили его по-прежнему.

Старейший радовался, видя, как уважают его любимого ученика. Одно огорчало старика: он знал, что не доживёт до того дня, когда резной жезл вождя перейдёт в руки Крека.

Силы покидали старика, и он явно слабел. Он почти не сходил на берег и всё своё время проводил у очага, беседуя с начальниками племени или занимаясь какой-нибудь лёгкой работой.

Когда же Старейший почувствовал, что конец его близок, он тайно поручил Гелю и Рюгу передать Креку в день, когда тот станет вождём, древний знак высшей власти — резной жезл из кости северного оленя, которым сам Старейший честно и гордо владел почти сто лет.

После этого Старейший перестал выходить из своей хижины и через несколько дней умер.

Обычно жители свайного посёлка хоронили своих умерших на дне озера, около самой деревни, засыпая их тела грудой камня и гравия. Но Старейший — вождь, он оказал племени много услуг. Поэтому в знак особого уважения его решили похоронить в земле.

Так и сделали. Старейшего торжественно похоронили далеко от озера, в спокойной, поросшей лесом горной до-

лине. На похоронах, кроме Крека с братьями, присутствовали все вожди племени и отряд воинов. Над могилой набросали большую грудку камней. Затем все отправились в обратный путь к уютным хижинам на озере.

Крек и его братья шли молча, лишь изредка оглядываясь на исчезающие в тумане леса и холмы, те леса, среди которых покоился Старейший. Но остальные воины возвращались весёлые, оживлённо беседуя о своих делах. В те времена людям жилось слишком трудно, и они не могли долго грустить или радоваться.

Так и теперь: едва похоронив Старейшего, они уже ни о чём другом не думали, как о возвращении в родные хижины и о будущих охотах.

К ночи отряд вышел из лесу на открытую равнину. В эту минуту передовые воины-разведчики остановились.

Они увидели юношу и двух молоденьких женщин, сидевших на корточках на земле. Рядом с ними лежал какой-то человек, много старше их, который, казалось, только что умер или умирал. Трое незнакомцев изнемогали от усталости и перенесённых в пути лишений.

В нескольких шагах от старика в луже крови валялся труп медведя.

Разведчики криком предупредили шедших сзади. Воины вместе с вождём живо окружили несчастных.

Молодые женщины и юноша с трудом поднялись на ноги. Они взглядами и жестами умоляли пощадить их. Юноша обратился к вождю с речью. Но никто из озёрных жителей не мог понять его слов. В эту минуту подоспел Крек. Едва слова незнакомца долетели до его слуха, как он вздрогнул и быстро оглянулся на братьев. На лицах Рюга и Геля отражалось такое же изумление и тревога.

Что же так взволновало братьев?

С тех пор как братья попали в озёрный посёлок, они быстро освоились с языком его обитателей и так привыкли к нему, что и между собой не говорили иначе как на озёрном наречии. Но язык родной пещеры они не позабыли.

Отдельные слова они ещё помнили. И теперь они услышали их из уст незнакомца.

Юноша говорил на языке их родного племени!

В сумерках трудно было разглядеть лица и одежду этих несчастных. Но братья не сомневались, что перед ними беглецы с берегов их родной реки.

Они поделились своей догадкой с вождём, и тот приказал им немедленно расспросить злополучных путников.

Пока они беседовали, воины разложили костёр и предложили чужеземцам воду и пищу. Путники, измученные жаждой, накинулись на воду, но от еды отказались.

Попытались также влить хоть несколько капель животельной влаги в сжатые губы старика, лежавшего на земле, но старик был мёртв.

Крек стал расспрашивать несчастных, внимательно вглядываясь при свете костра в их худые, костлявые лица, покрытые грязью и царапинами.

Молодые женщины молчали, видимо совсем изнурённые, говорил только юноша.

— Мы пришли издалека, — так начал он свой рассказ. — Наша родина там, — и он указал рукой на темнеющий лес, — за этими горами и лесами. Там, в пещерах на берегу огромной реки, проживала наша семья. Нас было много, наши охотники были искусны, пещера была надёжным приютом — мы не голодали и легко переносили суровые холода. Но вот две или три зимы тому назад поблизости от нас поселилось чужое свирепое племя. Эти разбойники не только истребляли дичь в соседних лесах, но и нападали на наших охотников. Они устраивали засады возле нашей пещеры, похищали и убивали мужчин и женщин. Каждую ночь мы ждали нападения на пещеру. Мы не раз давали им суровый отпор. Но их было слишком много, и победить их мы не могли. Пришло время, когда почти все наши воины и охотники погибли в кровавой схватке с врагами. Оставшиеся в живых решили покинуть пещеру и, забрав женщин и детей, ушли искать спасения в лесах. Но

враги гнались за нами, многих перебили или захватили в плен. Только я, эти женщины и этот старик спаслись от преследования. Мы шли, бежали куда глаза глядят, не останавливаясь ни днём ни ночью, и наши враги мало-помалу отстали. Тут только мы немного отдохнули. Этот старик взялся вывести нас к берегам прекрасного озера. Но путь был очень тяжёл; старик был слаб, не раз он отчаивался и просил бросить его в лесу.

— Почему он просил вас об этом? — сказал Крек.

— Ему казалось, что он только обременяет нас, он был слеп.

— Слеп?

— Да, слеп. Он ничего не видел. Он был чужой нашему племени. Мы встретили его в лесу во время охоты. Он бродил в лесной чаще, умирая от голода. Откуда он, никто не знал. Наши вожди его подобрали и приютили.

— Приняли к себе слепого! На что он годен? — вскричал удивлённый Крек. — Ваши вожди поступили не очень умно.

— Наши старейшины думали не так, — ответил юноша. — Они приняли слепого чужеземца потому, что он обещал, если ему сохранят жизнь, отблагодарить со временем за такую милость. Он обещал указать нам дорогу в неизвестную прекрасную страну, где тепло и много дичи, много вкусных плодов и кореньев. Там, говорил он, живётся легко и привольно и люди устраивают себе дома на воде.

«Так этот слепой видел наше озеро!» — подумал удивлённый Крек.

— Слепой воин жил и кормился у нас, ожидая, когда наши старейшины решатся, наконец, переселиться в другую страну. Но они слишком долго собирались... «Слепец много знает и полезен нам своими советами», — говорил самый старый из наших вождей. И в самом деле, чужеземец знал и учил нас многим важным вещам.

— Значит, он сумел стать вам полезным, и вы были

правы, оставив ему жизнь и приютив его у себя, — сказал Крек.

Крек, как и все первобытные люди, считал, что калек, убогих, обессилевших от болезней или старости — всех, кто стал тяжёлой обузой для остальных, — надо изгонять, обрекая на гибель. Это был такой же долг, как помощь товарищу на охоте или отважная смерть в бою при защите родного очага.

Молодой чужеземец продолжал свой рассказ:

— Мы не бросили слепца, и я кормил его тем, что добывал на охоте. Он был добрым советником и опытным вожатым. Мы рассказывали ему о том, что видели и встречали на своём пути: о небе и земле, о деревьях и растениях, — словом, обо всём. А он указывал нам, в какую сторону идти.

Путь был долгий и трудный. Слепой слабел с каждым днём. Он боялся, что умрёт, прежде чем доведёт нас до чудесной страны. И вот однажды вечером он рассказал, куда нам идти. Он заговорил о народе, с которым мы должны встретиться.

«Они, наверное, дадут вам приют, потому что вы придёте к ним просителями, а не врагами, — сказал он и затем прибавил: — Когда-то я тайно бродил по их владениям; я был не один, и глаза мои ещё видели солнечный свет. Много дней я следил за этими людьми. К ним я и веду вас теперь. Они мирно ловили рыбу на берегах озера, плавали по воде на древесных стволах, искусно выдолбленных внутри. Мы захотели овладеть их прекрасными жилищами, чудным оружием, великолепными лодками. Тогда мы могли бы спокойно спать и всегда иметь обильную пищу. Мы несколько раз пытались победить их. Но все наши попытки были тщетны! Эти счастливые люди умели постоять за себя. Наконец мы решили захватить их врасплох и напали ночью на сонный посёлок. Но и это не удалось. Много наших воинов погибло в бою. Некоторые, и среди них я, пытались спастись, бросившись в тёмные воды озера...»

— Но вдогонку за ними кинулись победители, — подхватил Крек, с жаром перебив молодого чужеземца. — Вожатый должен был и это открыть вам, — прибавил он с усмешкой торжества. — Только один из беглецов остался живым. Как он спасся, я не знаю, но у него в схватке с нашим воином были выколоты глаза!

— Вождь, ты прав! — воскликнул юноша. — Я вижу, что попал к тем самым людям, о которых говорил мне старик. Вы как раз из этого племени, на которое он некогда напал. Вождь! — продолжал молодой человек твёрдым голосом, протягивая руки. — Делай со мной что хочешь, но пощади этих несчастных женщин! Я ваш пленник, но вашего врага уже нет в живых. Слепой и слабый, он умер как храбрый воин в схватке с медведем, который напал на него, пока мы ходили искать воду. Он был храбрец, и звали его Безглазым. Я сын вождя, и меня зовут Ожо.

Крек и его братья вскрикнули от удивления.

— Ожо!.. — повторили вместе три брата. — Ожо!..

— Да, Ожо.

— Это он!.. Это брат!.. — прошептали Гель и Рюг, сжимая руки Крека и дрожа от радостного волнения.

— Я тоже так думаю, — пробормотал Крек, — но, — прибавил он, верный своей осторожности, — быть может, это враг, его зовут именем нашего брата Ожо.

И, обращаясь к чужеземцу, Крек громко спросил:

— Кто эти женщины?

— Эти женщины мои сёстры, дочери вождя.

— Их зовут?

— Маб и Он.

Едва эти слова сорвались с уст незнакомца, как его обняли чьи-то сильные руки, и он услышал приветливые восклицания.

— Ожо, Ожо! — кричал вне себя от радости Крек. — Разве ты не узнаешь меня, и Геля, и Рюга?

Не нужно описывать изумление Ожо при этих словах, оно понятно и без слов.

Маб и Он казалось, что они видят во сне, будто маленький Крек превратился в прекрасного молодого воина.

Затем Крек подошёл к вождю, который прилёг у костра, пока братья разговаривали с молодым незнакомцем. Крек рассказал ему, с кем они встретились, и почтительно просил его помиловать Ожо и сестёр.

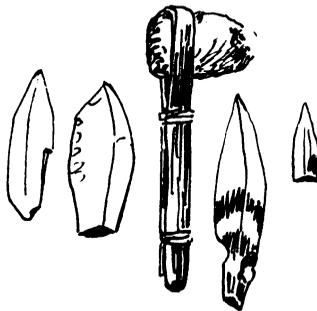
— Их привёл сюда наш враг, но теперь он мёртв. Ожо — ловкий, осторожный, преданный и честный юноша. Он будет усердно служить племени, которое примет его к себе. Я отвечаю за него, — сказал Крек.

— Если это так, Крек, я должен благодарить тебя, — сказал вождь, — ты даришь нашему племени нового полезного члена. Пусть будет по-твоему. Завтра я покажу нашим молодого воина.

Ночь прошла спокойно. Воины крепко спали, но Крек, Гель-рыболов и Рюг большеухий, сидя у костра, наперебой рассказывали Ожо и сёстрам, как они живут в посёлке на озере. А Ожо ещё раз повторил свой рассказ о последних годах жизни в пещере и гибели их семьи.

— Ещё задолго до битвы, которая стала роковой для нашей семьи, — так закончил Ожо свою печальную повесть, — старейшины простили тебе, Крек, смерть огня и сожалели, что ты ушёл...

Наступал рассвет. Вождь проснулся и приказал немедленно двинуться в путь. Через несколько часов дети пещеры подошли к берегам прекрасного озера. Годы тяжёлых странствий и горькой разлуки окончились для них навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. В Кабо	3
<i>Глава I.</i> НА БЕРЕГУ РЕКИ	13
<i>Глава II.</i> ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЁН	18
<i>Глава III.</i> ВЕЧНЫЙ ВРАГ	26
<i>Глава IV.</i> ДОЛГ И ГОЛОД	33
<i>Глава V.</i> ОГОНЬ ПОГАС	39
<i>Глава VI.</i> ОСУЖДЕНИЕ	45
<i>Глава VII.</i> ИЗГНАНИК	55
<i>Глава VIII.</i> В НЕВЕДОМЫЙ МИР	62
<i>Глава IX.</i> ОЗЁРНЫЕ ЖИТЕЛИ	70
<i>Глава X.</i> СЛЕПОЙ ВОЖАТЫЙ	87

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Д Э Р В И Л Ь И
**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДОИСТОРИЧЕСКОГО
МАЛЬЧИКА**

Ответственный редактор Р. И. Филиппова.

Художественный редактор В. В. Куприянов

Технический редактор Т. С. Филиппова.

Корректоры

К. Д. Немковская и Г. М. Шукан.

Подписано к набору 16/VI 1969 г. Подписано к печати 10/XII 1969 г. Формат 70×92^{1/16}. Бум. № 2. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,39. Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 548. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 614. Цена 30 коп.

OCR Давид Титиевский, июль 2021 г., Хайфа

30 коп